

Николай Марчук

МСТИТЕЛЬ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Николай Марчук

Мститель

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69444535

Мститель:

ISBN 978-5-17-155036-3

Аннотация

Небольшой отряд русских наемников находится в глубоком рейде на турецком побережье Черного моря, в окрестностях города Синоп. Им предстоит вызволить из плена соотечественников, но это трудная, практически невыполнимая задача: врагов в сотни раз больше, у них есть боевая техника и авиация, а у бойцов Алексея Седова – только автоматы, отвага и военная хитрость. Но русские воины освободят пленных и вернуться домой с победой, повторив подвиг вицеадмирала Нахимова, разгромившего превосходящую по силам турецкую армаду в Синопском сражении. Враг будет разбит! Победа будет за нами!

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	57
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Николай Петрович Марчук

Мститель

© Николай Марчук, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

9 мая 2020 года в Российской Федерации торжественно и пышно праздновали 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. Во многих городах прошли парады военной техники, после которых началось шествие Бессмертного полка.

В Москве и Санкт-Петербурге шествие обещало быть наиболее массовым. В столицу Российской Федерации на торжественные мероприятия приехали лидеры США, Китая, Индии, Кубы, Франции, Чехии, Венесуэлы, Белоруссии, Армении, Молдавии, Сербии, Казахстана, Киргизии, Сирии, Израиля и других стран. Специально для государственных руководителей стран СНГ, в чьих столицах также проходили праздничные мероприятия, в российской столице торжества были перенесены на вторую половину дня.

Главным событием должно было стать шествие в Москве колонны Бессмертного полка, которую возглавляли лидеры разных стран. К примеру, Дональд Трамп, президент США, должен был нести в руках плакат с фотографией Василия Мартехова, гражданина США, который в октябре 1943-го был посмертно удостоен звания Героя СССР.

Шествие началось в 15:00 по московскому времени. Через пятнадцать минут после начала движения, когда многотысячная колонна, возглавляемая лидерами двадцати пяти

стран, вытянулась на широком московском проспекте, высоко в небе раскрылись один за другим три парашютных купола: белого, синего и красного цвета. Через несколько секунд из контейнеров, подвешенных на парашютах, вырвались разноцветные дымы, символизирующие государственные цвета флага Российской Федерации. Это вызвало бурю восторга среди шествующих, люди кричали от радости и положительных эмоций.

Еще через минуту контейнеры отстегнулись от креплений парашютов и свободно полетели вниз. А спустя несколько мгновений прогремели три мощных взрыва. Ядерных взрыва!

То же самое произошло и в небе над Санкт-Петербургом. Позже было установлено, что контейнеры были сброшены из грузового отсека пролетавшего над Москвой пассажирского «Боинга 777-300ER», следовавшего из Пекина в Москву. В Питере смертоносный груз был сброшен с борта авиалайнера «Боинг 777-300» следовавшего по маршруту Вашингтон – Санкт-Петербург.

Через час после произошедшего противовоздушная оборона Российской Федерации была приведена в полную боевую готовность, небо над Россией для всех гражданских самолетов было закрыто. Те авиалайнеры, что находились в воздухе, немедленно садились на ближайших аэродромах.

Восемнадцать принадлежащих иностранным авиакомпаниям авиабортов, которые в это время находились на подле-

те к крупным городам России, не ответили на запросы российских диспетчеров. По странному стечению обстоятельств все эти самолеты поднялись в небо из точки вылета с явным недобором пассажиров: судя по данным, на некоторых бортах было куплено всего пять процентов билетов.

После нескольких десятков безрезультатных запросов с земли восемнадцать подозрительных самолетов были сбиты. Все авиалайнеры были изготовлены на заводах американской фирмы «Боинг». Последующее следствие и замеры, взятые с мест падения самолетов, позволили установить, что ни на одном сбитом борту ничего взрывоопасного и запрещенного к провозу не находилось. А в момент подлета к российским городам они находились под внешним управлением, и пилоты самолетов ничего не могли сделать.

Гибель мировых лидеров и сбитые самолеты оказались достаточным поводом для того, чтобы полсотни государств объявили Российской Федерации войну. К активным боевым действиям ни одна из сторон пока не переходила, потому что все понимали: победителей здесь не будет.

Какая из держав стояла за совершенным актом агрессии, сразу выяснить не удалось, так как одновременно были убиты несколько десятков лидеров крупнейших стран мира. Возможно, чудовищный террористический акт организовали спецслужбы США, чтобы уничтожить Дональда Трампа и не дать ему переизбраться на второй президентский срок; возможно, это были спецслужбы Китая, внутри правящей

верхушки которого давно зрели противоречия; возможно, здесь были замешаны спецслужбы Российской Федерации, так как последние реформаторские действия Владимира Путина очень сильно сказались на силовых структурах России. А возможно, атака была направлена на премьер-министра Израиля или Индии.

Так или иначе, сразу во многих странах произошла резкая смена власти и политического курса. То же самое ждало и Россию. Кто возглавит страну и уберет мир от ядерной войны, было непонятно.

9 мая 2020 года, в двух самых ужасных терактах за всю историю человечества, в Москве и Санкт-Петербурге погибло около девяти миллионов человек. Очень многие из них умерли не в момент подрыва ядерных боезапасов, а спустя некоторое время, от ран и увечий, не получив необходимого лечения. Тысячи были погребены заживо под обломками зданий. Мегаполисы Москва и Санкт-Петербург были объявлены зонами отчуждения.

Казалось, Россия не оправится после такого удара, но уже к июлю 2020 года Казань была объявлена временной столицей Российской Федерации. Там же было сформировано новое правительство, которое назначило временно исполняющим обязанности президента Российской Федерации бывшего главу Дагестана Владимира Васильева. В Екатеринбурге было создано оппозиционное правительство, в которое вошли представители либеральной общественности, возгла-

вил его известный в российском сегменте интернета блогер. Во Владивостоке было создано еще одно, альтернативное «всероссийское» правительство.

Республики Северного Кавказа попробовали объединиться и закрыть свои границы от остальной России, но у них ничего не получилось, так как сразу же всплыли былые обиды и споры, регион вновь охватила вражда, следствием чего стала кровопролитная междоусобная война. Российская Федерация начала трещать по швам и расплзаться на лоскуты.

Впервые к России были применены не военные методы ведения войны: сразу во всех регионах перестали работать компьютерные программы и системы обеспечения, поддерживающие работоспособность различных систем социальной структуры. Водоканалы, очистные станции, электроподстанции, медицинские учреждения, органы управления и многие другие жизненно важные объекты оказались «слепы и глухи». Банковская система перестала работать практически сразу после трагедии 9 мая, обычным гражданам были недоступны их средства, находящиеся на расчетных и карточных счетах, взаиморасчеты между организациями и юридическими лицами стали невозможны. Россию отключили от системы международных платежей в начале июня.

В августе 2020 года практически во всех районах России началась неожиданная эпидемия гриппа. Это был новый вирус, который называли «обезьяньим гриппом», он являлся измененным и усовершенствованным вариантом вируса

SV40. Заразившиеся вирусом умирали в течение семи – десяти дней. По странному стечению обстоятельств наибольшая волна нового гриппа накрыла всю центральную часть России, все города с населением свыше ста тысяч человек. Эпидемия вспыхнула также и на всем постсоветском пространстве, особенно пострадали столицы и города-миллионники.

К середине осени 2020 года стало ясно, что вирус был выведен искусственно и заранее завезен на территорию России. Граничащие с Россией страны не пропускали российских беженцев на свои территории, объясняя это мерами карантина. Каждый день на пропускных пунктах от выстрелов иностранных пограничников гибли сотни российских граждан.

В Российской Федерации начались хаос и смута. К декабрю 2020 года со всех сторон в Россию вступили войска специально организованной мировой коалиции под предводительством США и Китая. Интервенты должны были взять под контроль наиболее густонаселенную часть России, чтобы остановить гуманитарную катастрофу. К этому времени число погибших россиян и жителей близлежащих государств бывшего Советского Союза перевалило за сто миллионов человек. Фактически в России умер от гриппа каждый четвертый, а с учетом погибших в ядерном огне 9 мая, к концу года россиян осталось едва треть от тех, кто радостно встречал новый, 2020 год.

Несмотря на общую боль и трагедию, как только стало по-

нятно, что российскую границу переходят вражеские силы и началась открытая фаза войны, дать отпор врагу поднялся каждый, кто в тот момент мог и хотел держать в руках оружие. Враг теснил скудные силы российских военных, но каждый метр русской земли давался ему большой кровью. Наши мужчины и женщины вновь уходили в леса, организуя партизанские отряды. Подростки, обвязанные гранатами, вновь бросались под вражеские танки, повторяя подвиги своих сверстников, пионеров-героев времен Великой Отечественной войны.

20 декабря 2020 года остатками вооруженных сил Российской Федерации был нанесен ракетный ядерный удар по территории тех стран, чьи войска вторглись в нашу страну. Помимо ракет в действие были приведены и ядерные заряды малой мощности, которые были заранее размещены вблизи органов управления больших городов. Удар был направлен не только против стран Западной Европы и США, но и против Китая, Японии и некоторых ближневосточных государств.

Одновременно с ядерными зарядами в действие были приведены отдельные виды бактериологического и сейсмического оружия. Около сотни приморских городов по всему миру были уничтожены сильнейшими цунами. В США началось частичное извержение Йеллоустонского вулкана. В районах с повышенной сейсмической активностью произошли мощнейшие землетрясения. Облик планеты Земля из-

менился раз и навсегда!

Мир стал таким, что либо ты готов ответить на любой удар, либо не стоит и начинать.

Так вот, Россия – это основоположница Советского Союза, которого в мире до сих пор боятся, хотя его уже давно нет. Россия выиграла Большую войну, хотя и не без помощи остальных республик (но кто о них вспомнит?). Ту мощь и величие, которые имел СССР, ему не простят никогда, перед его достижениями и подвигами меркнут все достижения других стран. А как известно, сильного уважают, боятся, но ненавидят.

И теперь, когда, казалось бы, Союза нет, Россия и другие республики, упавшие было на колени, смогли не просто подняться, но и претендуют на не последнее место на планете.

*А зачем нам такой мир,
если в нем не будет России?*

Глава 1

Черный снег сыпал вторую неделю, хлопья пепла кружились как черные, жирные мухи. Падальщики! Старый, привычный мир умер! Сдох, как блудливый пес, нагулявший себе множество болячек. Много жрал вредной пищи, много пил алкоголя, беспробудно трахался с сучками и кобелями с пониженной социальной ответственностью, да еще каждый месяц покупал себе новый смартфон. Вот и не выдержало сердечко, ЦНС, печень, почки – все не выдержало! Край! Нельзя жить такому уроду на свете.

Вы, господа человечки, всех уже достали! Надоели! Зажились на этой планете! Вот за то, что вы, люди, такие мудаки, вас и уничтожили... Вы же сами себя и уничтожили. Я ж говорю – мудаки!

Пепел сыпался с неба и укрывал землю черным покрывалом, траурным саваном. Смотреть на пепел было противно. Надоело! Две недели я сижу в разрушенном подвале старой панельной пятиэтажной хрущевки. Жру скудные консервы, растягивая десяток жестяных банок так долго, сколько смогу. Спасает еще то, что в подвале нашел мешок старой, прогорклой гречки. Я замачиваю ее на ночь в котелке с водой и потом в течение дня съедаю набухшую крупу. От такого питания сводит живот, но я терплю, потому что больше ничего не остается.

В магазине ПМ осталось шесть патронов. Можно было бы прекратить эту пытку и выпустить свои мозги наружу, но я терплю. Терплю, потому что у меня есть цель, есть то, ради чего стоит жить.

Сколько, интересно, лет этому дому? Сорок? Пятьдесят? Думали ли его строители, корпевшие тут при Хрущеве или Брежневеве, что когда-то их потомок будет сидеть в этом во-нючем подвале, глядеть в замызганное стекло на пепел, сыплющийся с неба, и проклинать человечество? Вряд ли. Они были хорошие люди. Честно работали, честно жили. У них была идея – построить светлое будущее для своих потомков. Они не только помнили – они участвовали в Большой войне и пережили ее, они видели все ужасы той самой войны, и многие из них потеряли на той войне родных и близких.

Но прошло время, и у этих хороших, светлых людей родились дети, потом родились внуки, которые о войне знают только по художественным фильмам и книгам. И эти внуки уже не были такими хорошими и светлыми. Нет, они стали жесткими и грязными, они хотели только одного: много и сытно пожрать, хорошенько выпить, купить себе новый смартфон, закачать себе в тело очередную порцию инъекций красоты, выложить в сеть вновь снятое видео, собрать порцию лайков и... начать очередную войну! Начали?! Довольны?! Вот теперь вы сыплетесь с неба в виде пепла! Радуйтесь, сбылись ваши идиотские мечты!

Стены подвала исписаны черным маркером, аккуратные

столбики цифр с указанием географических координат – широта и долгота. Всего шестнадцать столбиков в два ряда. Шестнадцать точек на карте, которые можно найти в реальной жизни, если следовать этим координатам. Стены исписаны повсюду, и везде одно и то же. Все это неспроста, это все для того, чтобы я запомнил эти координаты на всю жизнь, чтобы они въелись мне в подкорку мозга, чтобы проникли глубоко в печенку, чтобы если меня разбудят среди ночи после грандиозной попойки, я и тогда смог их протараторить без единой запинки.

И ведь неспроста наши враги решили начать войну именно 9 мая. Неспроста! Не давала им покоя эта дата, эта Победа, эта... Все им не давало покоя.

9 мая 2020 года самые большие мегаполисы Российской Федерации – Москва и Санкт-Петербург – подверглись удару с применением ядерного оружия. Погибли миллионы, еще больше людей умерли в первые месяцы от радиации, ранений и увечий. Потом началась блокада России по всем направлениям, потом пришла эпидемия – страшный вирус убивал в день десятки тысяч россиян. Потом началась открытая фаза войны: вражеские танки пересекли государственную границу, американские морпехи и польские пехотинцы с боями продвигались вглубь страны... Потом... потом...

А потом: «Зачем нам мир, в котором не будет России?..»
Мы нанесли ответный удар, и человеческий облик плане-

ты Земля, привычный последние десятки тысяч лет, изменился раз и навсегда.

Я дернулся, разлепил заспанные веки и недоуменно огляделся по сторонам. Сон был слишком явным, он еще держал меня в своих цепких объятиях, не желая отпускать в реальный мир. Я уснул, свернувшись на кресле рядом с капитанским местом – святая святых корабля. И пусть у нас сейчас небольшой сейнер, но на нем тоже есть место, отведенное для первого после бога – капитана!

– Ну что, как дела? – спросил я у Митяя, растирая заспанные глаза.

– Нормально, подходим. Еще полчаса, и увидишь огни Синопа. Снилось что-то? Ты во сне скулил.

– Скулил? – удивился я. – Старая жизнь снилась. Что-то давненько не снилась, а тут – на тебе! Видимо, из-за турецкой водки.

– Вполне возможно, – кивнул Митяй и отвернулся.

Облезлый металл корпуса, замызганное, местами в трещинах толстое стекло смотровой рубки, въевшийся запах рыбы, которую на этом суденышке ловили десятилетиями. Все убого и скупо.

Я высунулся из рубки и оглядел водные просторы. Слева видна линия суши, справа – безграничная серая водная гладь. Серая вода повсюду вокруг корабля, позади – пенный след от винтов.

Черное море!

Где-то там, на севере – Крым! Вот вернуть бы старые годы и поехать в Ялту. Причем не надо летом, можно даже осенью. Осенью будет даже лучше. Отдыхающих меньше, зноя нет, фруктов навалом, цены снизились, и в гостиницах можно заказать номер с видом на море, а лучше на горы. Красота!

Что мы здесь делаем? Что ищем возле чужих, турецких берегов? Вроде как спасаем своих соотечественников... А на самом деле все не так просто.

Еще десять дней назад я был простым наемником, который подписал контракт и вступил в банду морских разбойников. Нас было чуть меньше сотни. Капитан сухогруза и его приятели наняли меня и таких же, как я, раздолбаев для того, чтобы потрясти приморские поселения на северном побережье турецкой стороны Черного моря. Вроде все должно было быть просто: одна группа проводит разведку и захват плацдарма, потом уже высаживают на лодках остальных, а там – стремительный штурм, грабеж, разбой, сбор хабара и эвакуация на «жабодав». А потом дальше, вдоль побережья.

Но судьбе захотелось все сделать по-своему, и в итоге мы захватили ровно один прибрежный поселок, а потом выяснилось, что часть наемников совсем не те, за кого себя выдавали. Самые умные из моих боевых товарищей тут же собрали свои манатки, погрузились на сухогруз и свалили от греха подальше, а я и еще дюжина таких же дебилов остались на берегу, чтобы выволить пленного генерала Корнилова, ко-

торый год назад навел грандиозного шороху в этих широтах.

А теперь, спустя неделю, я не просто наемник, нет – теперь я пират, корсар, мать его так! Мало того, теперь я главарь шайки пиратов, у нас есть свой корабль. Это, конечно, не «Черная жемчужина» Джека Воробья, а всего лишь старенький, местами ржавый и побитый жизнью сейнер, но это неважно. Главное, что у нас есть пара крупнокалиберных пулеметов, десяток автоматов, приличный запас патронов и несколько баррелей самогона.

Сейчас быстренько освободим генерала, вызволим старика и его свиту из турецкого плена, а потом отправимся грабить и топить чужие корабли...

Пират – это не профессия, это состояние души!

Со слов Митяя, раньше в Синопе не было даже намека на таможню и досмотровый пункт. Любой желающий мог зайти в порт и, заплатив небольшую плату за стоянку, сойти на берег.

Город Синоп отличается своеобразным расположением. Он находится на небольшом гористом полуострове – окружен водой и соединен с сушей лишь узким перешейком, стоя в центре которого, можно одновременно с обеих сторон наблюдать безбрежную морскую гладь. На этом перешейке расположен исторический и современный центр города, тут находятся сохранившиеся местами части старинной крепости. Синоп очень древний, он был основан чуть ли не за тысячу лет до нашей эры и успел повидать многих правителей,

впрочем, как и любые другие древние города по всему миру.

Из древнейшей истории города стоит отметить тот факт, что в 412 году до нашей эры он стал родиной знаменитого чокнутого философа Диогена, известного своей маниакальной страстью к бомжеванию и отвержением любых благ, создаваемых обществом. Однако Диоген был очень умен и мудр, за что, несмотря на все свои выходки, и получил известность на веки вечные, а в Синопе ему соорудили большой памятник – Диоген стоит на бочке с фонарем в руке, а рядом с ним собака.

Другой интересный факт относится уже к новой истории, а именно к 1853 году, когда у берегов Синопа русские корабли под командованием адмирала Нахимова в хлам разгромили турецкую эскадру, при этом понеся очень небольшие потери. Синопское сражение вошло в историю как последнее крупное сражение парусных флотов и послужило поводом для вступления в войну Англии и Франции, решивших помочь Османской империи завоевать матушку-Россию. И хотя это сражение было проиграно османами, а стало быть, и воспоминания о нем современных турок тоже не радуют, история о нем все же сохранена в музее под открытым небом в центре города. Здесь выставлены пушки и якоря с погибших кораблей, а также установлена памятная доска с краткой информацией о Синопской битве.

Но турки не были бы турками, если бы даже из факта позорного поражения в битве не извлекли бы прибыль. Каждый

год в Синопе проходил исторический фестиваль реконструкторов, посвященный той знаменитой битве. И пусть предки проиграли в том сражении, но их нынешние потомки смогли извлечь из этого неплохой гешефт. Вот уж, действительно, кому-то война – мать родная!

Порт, а с ним и весь город, находились под защитой форта, расположившегося на прибрежном холме. В форте стояли пушки и зенитные орудия, которые с легкостью справились бы с любой вражеской целью, причем неважно, откуда бы она приближалась к городу: с земли или суши. Но вот с этим утверждением я бы поспорил. Потому что если морскую гладь пушки и зенитки на холме гарантированно держали под своим прицелом, то все окрестности города они вряд ли надежно перекрывали: южные подступы к Синопу изобиловали складками местности, да и сама городская застройка могла скрыть наступающих.

Все-таки огневая мощь форта в первую очередь должна была прикрыть город со стороны моря. И это неудивительно, ведь именно с моря год назад в Синоп пришла смерть в виде десантников генерала Корнилова. Тогда русские штурмовики смели оборону города за считанные минуты, пройдя сквозь защитников Синопа подобно тому, как раскаленный клинок проходит сквозь сливочное масло.

Появился сторожевой катер и, соответственно, всех желающих посетить прибрежный город ожидал досмотр. О самой процедуре досмотра нам уже было известно: прошедший ее

несколько часов назад Петрович со товарищи доложил по рации и рассказал, что нас ожидает.

Наш сейнер зашел в порт Синопа в начале девятого вечера, когда город уже светился огнями редких фонарей и окон домов. На рейде в километре от порта торчал местный сторожевик – рыболовецкий траулер, вдвое крупнее нашего, вооруженный тремя крупнокалиберными пулеметами и одним зенитным орудием типа древнего «эрликона». Хотя, может, это было и что-то современное, но я в натовских пушках слабо разбираюсь.

От сторожевика отвалился катер и направился в нашу сторону. На борту досмотрового катера с десятков вояк, выглядят они вполне расслабленно и даже несколько вальяжно. Видимо, все местные, а значит, целиком и полностью заинтересованные в прибытии в город богатых «туристов» вроде нас.

– Постройте всю команду на борту и приготовьтесь принять нас! – на плохеньком английском выдал в мегафон уса-тый турок, сидящий на носу катера. – Немедленно! Оружие в руки не брать!

– Окей! – тут же отозвался я и добавил как можно вежливее и подобострастно: – Добро пожаловать на борт, господа военные! Мы несказанно рады вашему визиту!

Катер бодро подошел к нам, рулевой заложил лихой вираж, и турецкая пластиковая посуда стукнулась о кранцы – автомобильные покрышки нашего судна.

Наша команда в полном составе выстроилась на палубе сейнера.

Турков было шестеро. Старший – пузатый, усатый толстяк в лопнувшей на пузе рубахе, поверх которой накинута спасательный жилет, на ногах – короткие бриджи и резиновые тапки. Остальные – молодые парни, облаченные в одинаковые оранжевые рабочие робы и вооруженные короткоствольными помповыми дробовиками.

Досмотр оказался поверхностным и шапочным, встречающую сторону больше всего интересовали показатели детекторов уровня радиации, коими они обнюхали каждый квадратный сантиметр поверхности сейнера. Я тут же окружил толстого турка своим вниманием и заботой: презентовал ему «швейцарские» часы, выказал горячее желание уплатить все возможные подати и налоги за право войти в столь гостеприимный и тысячу раз благословенный богом порт самого лучшего города на Земле – Синопа.

Общались мы с турком, которого, кстати, звали Мехмед-бей, на английском, причем я тут же обозначил, что турецким языком не владею в принципе, а из всей моей команды лишь Митяй может связать пару слов. Кажется, этот факт очень развеселил турок, и дальше они принялись перебрасываться между собой шутками в наш адрес.

Я представился подданным Британской империи, промышляющим мелкооптовой торговлей: мол, в Синопе планировал расторгнуться предметами роскоши и медицин-

скими препаратами. Моя команда состояла из нанятых славян: украинцев, поляков и болгар. Чтобы хоть как-то соответствовать этой легенде, я носил пиджак и джинсы, шею замотал клетчатым платком. На запястье у меня часы в золотом корпусе, поверх свитера – сразу несколько толстых золотых цепей, а пальцы унизаны золотыми перстнями. В общем, у первого и второго встречного сразу же сложится впечатление обо мне как о беспечном богате, у которого золотых цацек, как у дебила соплей.

Парней я заставил разговаривать исключительно на жуткой смеси украинского суржика и польских ругательств. Список отдельных слов, распространенных выражений и целых предложений написал на бумаге и заставил выучить наизусть.

Не знаю, что на встречающую сторону подействовало больше: мой внешний вид и вычурные, напоказ понты или все-таки тот фокус, что провернул Петрович, идя в авангардной группе. Но как только шапочный досмотр закончился и толстый турок Мехмед получил свой барыш, на сейнере остался один из его помощников, который вызвался указать просто замечательное место для стоянки такого достопочтенного господина, как я. Все это было сказано на ужасном английском, половину слов я не разобрал.

А уже через полчаса мы швартовались у полуразрушенной причальной стенки рядом с большим замызганным буксиром, чья рубка была выкрашена в красный цвет, а это го-

ворило о том, что в былые годы посудина трудилась спасателем или пожарным.

– Господин, сэр! – обратился ко мне наш провожатый, как только сейнер ткнулся бортом в кранцы обшарпанного пирса. – Смело сходите на берег, за ваш корабль не беспокойтесь, здесь вы под надежной защитой.

– Да-а?! – нисколько не притворяясь, презрительно сморщив нос от запаха нечистот, протянул я. – Здесь что, война была? Почему причал весь в дырах?

– Это все из-за Черного генерала! – яростно высказался парень. – В прошлом году этот проклятый русский привел своих головорезов в город и многое здесь разрушил, будь он трижды проклят!

Видимо, паренька зацепил мой вопрос, потому что он принялся рассказывать мне, как все жители Синопа (да что там Синопа – все жители Турции!) ненавидят генерала Корнилова, который принес им, простым людям, много бед и горя, да какой он плохой, а они все напрочь белые и пушистые, но ничего, бог не фраер и так далее, и Земля круглая, а значит, генералу Корнилову скоро крышка, тем более что ходят слухи, будто его поймали, и совсем скоро, возможно, уже завтра разорвут на части на центральной площади города.

Все это турчонок говорил с такой экспрессией и жаром, что большую часть слов произнес на своем родном языке и даже те жалкие лингвистические крохи, что были произнесены на языке Шекспира, он умудрился так исковеркать, что

хрен бы его понял истинный англичанин. Мало того, мой собеседник умудрился вплести в рассказ еще и пару русских матерных слов, объясняя, какой негодяй этот самый Черный генерал Корнилов.

Я его речь слушал очень внимательно, но при этом строил такую презрительную гримасу и так откровенно пялился по сторонам, что у всякого соглядатая наверняка возникло ощущение, что мне либо плевать на его слова, либо я ни черта не понимаю. А посторонние зеваки и свидетели в количестве двух невымытых рыл уже присутствовали. На пирсе торчали два тела, облаченные в грязные робы, которые с явным интересом оглядывали не только нашу посудину, но и нас, да и в окнах ходовой рубки буксира я заметил мелькнувшую тень.

В общем, похоже, мы попали именно туда, куда я планировал попасть, – в аналог местной криминальной «малины», промышленяющей грабежом и разбоем. Даю руку на отсечение, что «пограничник» Мехмед был у них в роли наводчика. Если все так, то нас ждет веселая ночь!

Глава 2

Вода возле пирса была грязная, в ней плавало много мусора и дохлой рыбы. Вся окружающая обстановка навевала уныние и тоску. Возможно, если бы сейчас было утро и на небе ярко светило солнце, то все выглядело бы не так печально, но на данный момент мне было как-то не по себе, сердце сжималось от тревожных предчувствий. Я впервые пожалел, что подрядился помочь вызволить генерала Корнилова. Если он так сильно насолил местным жителям, то хренушки они отдадут его без боя. А нас слишком мало, чтобы ввязываться в боестолкновения.

Сопровождающий нас юноша подозвал одного из зевак в замызганной робе и повелительным тоном приказал позвать Хозяина. Он именно так и сказал: «Позови Хозяина». Оборванец кивнул и тут же скрылся. Пока мы ожидали встречающую сторону, Косой и Серега вытащили на палубу два больших ящика, к которым были прикручены удобные для переноски ручки. Керчь и оба морячка – Валера и Дима – вынесли на палубу брезентовые сумки и рюкзаки с вещами. В ящиках было спрятано оружие, прикрытое сверху фальшивым дном, а поверх фальшивки навалили наиболее ценную часть хабара, взятого на вилле стоматолога.

Пока вытаскивали и сносили все это на берег, вернулся замараха и доложил, что Хозяин сам прийти не может, но

сейчас придет грузчиков с тачкой, которые помогут почтенным гостям добраться до его скромного заведения. И действительно, через пару минут, громяхая колесами, прикатила здоровенная тележка, запряженная измученным жизнью осликом. В телеге сидели двое здоровенных мужиков. Морды у грузчиков были напроочь бандитские, и их фото можно было бы ставить на полку со сладостями, чтобы отбить у детей привычку воровать конфеты из бабушкиного буфета.

Наш сопровождающий тут же принялся командовать погрузкой, всячески строя из себя начальника и командира. Как ни странно, но мордатые здоровяки беспрекословно ему подчинялись. Похоже, этот турецкий юноша занимал определенное положение в местной криминальной иерархии.

Я тайком проверил крепление, на котором висел под одеждой пистолет. Если что, действовать надо будет быстро и решительно, иначе возможен вариант, когда я сам себя же и перехитрю: вместо того чтобы грамотно обойти ловушку и поймать охотника, сам же в нее всю свою команду и приведу. А вот этого очень не хочется!

Все сумки в телегу не влезли, поэтому их тащили на себе. Серега хоть и был из нас самым здоровым, но, как и я, шел налегке. В случае опасности мы вдвоем должны будем прикрыть остальных, пока они вытащат оружие из ящиков.

В открытую носить огнестрельное оружие в Синопе разрешалось только охранникам и местным военным. Толстый

таможенник внимательно осмотрел представленный ему корабельный арсенал и опечатал его, заперев в металлическом шкафу. Перед выгрузкой молодой турок проверил сохранность пломб.

Я хотел было оставить на сейнере Митяя с рацией, но наш сопровождающий заверил меня, что в этом нет особой необходимости, потому что, во-первых, мы сейчас на закрытой территории порта, где нет воров, а во-вторых, наше корыто будет видно из окон комфортабельной гостиницы, где нас разместят.

Оба этих довода я бы оспорил, потому что, во-первых, воруяют везде, тем более на закрытых территориях (да что там говорить, даже в космосе, на МКС, злодеи могут дырок навертеть в обшивке станции), а во-вторых, что-то я не вижу никакой комфортабельной гостиницы в округе. Единственное целое здание с крышей и не выбитыми окнами, к которому мы сейчас направляемся, больше напоминает бомжатник после пожара. Поэтому перед тем, как окончательно сойти на берег, все люки сейнера были наглухо задраены и заперты изнутри, а единственную дверь, которую закрывали последней, заперли на здоровенный амбарный замок, который просто так не сбить – его пришлось бы срезать или взрывать.

Мои самые плохие предчувствия оправдались, и провожающий нас турок вместе с двумя бугаями-грузчиками и с тележкой, запряженной ослом, привел-таки нас в двухэтажную обшарпанную халупу в стиле а-ля зима 1942-го в Ста-

линграде. Чем ближе мы подходили к «комфортабельной гостинице», тем больше портилось мое и так не самое радужное настроение. Мой внутренний голос так и орал: «Куда ты прешься, идиот?! Вас же там всех убьют!» Но я продолжал идти, на ходу насвистывая мелодию битлов «Желтая подводная лодка».

Ночь уже заметно вступила в свои права, и темнота навалилась со всех сторон, как хищный зверь. Только зазеваешься – и тебя схватят острыми клыками за податливую плоть шеи и, разорвав сонную артерию, утащат в логово, где уже спокойно и размеренно съедят, разделив тушку на несколько приемов пищи: что-то схарчат на ужин, а что-то оставят на завтрак.

В обшарпанной и затертой тысячами ног тротуарной плитке местами отсутствовали целые пласты, в этих ямах тележка вязла, но ослик сопел и продолжал тащить свою ношу.

При входе в гостиницу нас уже ждал очередной толстый турок, облаченный в длиннополый кафтан, чем-то напоминающий офицерскую шинель. Это одеяние смотрелось на нем крайне комично, потому что посередине, в районе живота оно вздувалось глобусом, делая хозяина похожим на удава, проглотившего футбольный мяч. Чтобы осветить нам дорогу, турок держал в руках яркий фонарь.

– Дорогие гости, милостивые господа! Проходите, проходите! Как же я несказанно рад вашему визиту! – принялся рассыпаться мелким бисером толстяк. – Надолго ли желаете

те заселиться? У нас все есть! Есть хамам, есть кальян, есть красивые чистые девушки Наташи, есть массаж. Все есть! Оставайтесь надолго, вы не пожалеете!

На ходу расхваливая свою халупу, хозяин заведения провёл нас внутрь.

– Отдельные свободные номера есть? – презрительно цедя слова через губу, спросил я. Мне даже не пришлось разыгрывать презрение и брезгливость: обшарпанные стены в трещинах и затхлый запах говорили сами за себя.

– Ну что вы, господин, у нас все свободно, вы наши единственные постояльцы. Разместим всех по отдельности, чтобы вы не мешали друг другу общаться с девушками. Я сам в прошлом моряк и знаю, что нужно мужчине, ступившему на берег после долгой работы в море, – хитро прищурился толстяк. – Есть девушки толстые, есть худые, есть блондинки, есть брюнетки. Разные есть – на любой вкус и запах!

Запах?! Он серьёзно?

При этом выражение лица этого турка мне очень не нравилось. Толстяк боялся! Прямо очень сильно боялся! Лицо его побледнело, на лбу выступили мелкие бисеринки пота, а глазки бегали из стороны в сторону.

«Да чего он так испугался-то?! – недоумевал я. – Блин, это же мы к нему в логово пришли, а не он к нам. Черт возьми, что здесь происходит?»

– Господа, вы пока посидите здесь пять минут, – указал хозяин на два дивана, стоящие при входе в большой комна-

те, выполняющей роль ресепшена, – а я погляжу, готовы ли ваши комнаты.

Я понял, что действовать нужно быстро.

– Минуточку! – ухватил я хозяина за локоток. – Не подкажете, где тут у вас комната для мужчин?

Мои подчиненные, побросав свою ношу в середине комнаты, расселись по диванам; оба грузчика как бы невзначай остались в дверном проеме, тихо переругиваясь между собой о том, кто из них должен перетаскивать содержимое телеги внутрь гостиницы. Сопровождающий нас турецкий пограничник куда-то запропастился. Похоже, что никто не собирался размещать нас на ночь и травить снотворным или клофелином.

– Да-да, конечно, – немного замявшись и зачем-то оглянувшись на грузчиков, проблеял толстяк. – Вот сюда, пожалуйста! – И хозяин указал мне на небольшую дверцу, прятанную за высокой стойкой.

– Вести себя достойно и не хулиганить! – невзначай бросил я своей команде, ныряя в дверь.

Это была специальная фраза, призывавшая всех быть готовыми к неприятностям.

Турок шмыгнул вслед за мной. Еще спиной я почувствовал его нервные движения и тут же сделал шаг в сторону, уходя с линии атаки. Кулак пролетел мимо, слегка зацепив плечо, я перехватил руку турка и, резко дернув ее в сторону, повалил толстяка на кафельный пол. Никакого туалета

здесь не было – обычная заваленная хламом подсобка. Турок шмякнулся на пол тихо, без особого стука, я навалился сверху. Одной рукой схватил его за волосы и с силой вдавил лицом в пол, второй достал из кармана короткий нож и тут же вогнал его в ухо толстяку. Турок дернулся, по его телу прошла дрожь, он еще несколько секунд сучил ногами, потом обмяк. Я выдернул нож из ушной раковины, и тут же хлынул поток горячей крови, будто забыли закрыть кран.

Дверь распахнулась, и в проеме показался один из грузчиков. Здоровяк был немного выше проема, и поэтому ему пришлось сгорбиться и наклониться, чтобы пройти. Это и спасло мне жизнь. В руках противника был пистолет, а у меня только нож, но я успел перекинуть его рукоятью вперед и метнуть в турка.

Вообще, метание ножей – это, конечно, специфическое искусство. Оно хорошо для показательных выступлений спецназа. Когда хорошие молодцы с перепачканными лицами метают всякие острые железки в деревянную мишень, это выглядит красиво, эффектно и охрентельно круто. Но в жизни все не так эффектно. Сила, с которой нож вонзается в тело противника, зависит от массы ножа и от энергии, вложенной в него при броске. Ну а про уязвимые точки, в которые необходимо попасть, чтобы гарантированно убить противника, я вообще молчу. Их не так уж и много на теле человека, и большая часть из них прикрыта многослойной одеждой. Даже обычная фуфайка служит довольно неплохой

защитой от ножа, она заметно уменьшает глубину проникновения клинка в человеческую плоть.

К чему я все это объясняю? К тому, чтобы оправдать себя: типа это не я такой рукожоп – это законы физики. Если у вас есть выбор, из чего поразить нападающего, то не выпендривайтесь и всегда выбирайте огнестрельное оружие. На худой конец, лучше метнуть в противника кирпич или гантель, потому что увесистая железяка всяко нанесет больший урон, чем остро заточенный клинок.

Нож, сделав один оборот, вонзился в плечо здоровяка, войдя в тело на пару сантиметров. Турок удивленно ойкнул, смахнул нож с себя, сделал шаг назад, ударился со всего размаху головой о дверной косяк. От удара он присел и немного отшатнулся. Все это заняло пару секунд, но мне этого хватило, чтобы выхватить пистолет и открыть огонь. Пули вошли в тело грузчика, отбросили его на стену. Я перенес огонь внутрь помещения – второй здоровяк, тоже вооруженный пистолетом, как раз попал на линию огня.

Несколько секунд – разряженный магазин пистолета, и оба противника лежат в лужах собственной крови.

– Сходили в баньку, – потрясенно произнес Митяй, когда я выглянул из подсобки.

Сергея сбросил фонарь на пол, и помещение утонуло в темноте.

– У нас гости! Из второй посуды на берег сошли шестеро. Идут в нашу сторону, все вооружены! – коротко доложил

он.

– Разбираем оружие, – приказал я. – Серега, Косой, вы наверх, осмотреть помещения. Керчь, хватай ручник – и на лестницу, держи вход. Митяй, Валера, прячьтесь за стойку. Как только войдут, по моей команде хреначим из всех стволов. Только ящики затащите в подсобку, не хватало еще рацию повредить. Погнали, мужики!

Двигаться в темном помещении было трудно, спасало только то, что сквозь окна с улицы проникал рассеянный свет от одинокого фонаря перед главным входом.

Я не знал, как должны были разворачиваться события по задумке злодеев, был ли какой-то условный знак, или они слышали звуки стрельбы. Но стрелять противник начал первым. Как только входная дверь распахнулась и в помещение прошмыгнули три фигуры, тут же ударили вспышки мощных ручных фонарей. Штурмующие действовали как агенты ФБР в боевиках: в правой руке пистолет, который опирается на левую руку с зажатым в ней фонарем. Луч фонаря находит цель, пистолет посылает в нее пулю.

Оставшиеся на улице вражеские бойцы подтащили портативные прожекторы и, врубив их на полную, залили мутным светом внутреннее пространство первого этажа. Получилось светло, задорно и феерично – прям как на сельской дискотеке!

Бах! Бах! Бах! – затараторили наперебой три вражеских пистолета.

Изначально я думал по-тихому захватить нападавших, пригрозив им автоматами и ручным пулеметом, но их повышенная активность и агрессивность поставили крест на моих планах. Опять же, глупо пугать кого-то криком, когда в тебя всюю стреляют, тут надо поливать свинцом в ответ.

Отдавать приказ об открытии огня не было смысла, мои парни и так не дураки, разобрались, что к чему. Высунув ствол немецкой штурмовой винтовки из-за укрытия, я нажал на спуск и высадил двадцатизарядный магазин одной длинной очередью, потом тут же сменился и вновь открыл огонь. Вначале полоснул по нападавшим внутри помещения, а потом уже бил по фонарщикам снаружи. Домик был собран из чего-то легкого и пустотелого, вроде сэндвич-панелей, поэтому автоматные пули калибра 7,62 прошивали его насквозь, не встречая препятствий.

Ручной пулемет Ванька разродился длинной очередью, откуда-то сверху, через окно второго этажа его поддержал второй ручник. В замкнутом ограниченном пространстве грохот стоял такой, будто ты сидишь с пустой бочкой на голове, а по ней жизнерадостный дебил всюю хреначит кувалдой. Воздух наполнился запахом гари и сожженного пороха.

У нападавших не было ни единого шанса, да и тем, кто был снаружи, никак не удалось бы уйти от мощного огневого навала, который мы им устроили с помощью пяти автоматов и двух ручных пулеметов. Враг явно не рассчитал свои силы: видимо, они до последнего думали, что перед ними обычные

безоружные торгаши.

– Все целы? – громко спросил я, как только керчанин перестал давить на спусковой крючок.

– Да. Да. Да, – отозвались Митяй и Керчь с Серегой сверху.

– Серый, что у вас там?

– Все пусто, четыре комнаты, внутри никого. Бардак и запустение, – отозвался пулеметчик.

Бах! Бах! – неожиданно раздались выстрелы со второго этажа.

– Косой, это ты?

– Да! Снаружи тень мелькнула, – доложил Пашка. – Кажись, подстрелил. А! Он, сука, еще дергается. Добить?

– Нет! – остановил его я. – Прикрой, надо его забрать и допросить. А где он? – уточнил я, выглядывая через посеченные окна перед главным входом.

– С обратной стороны домика, там какой-то спуск в подвал, он из него выбрался, – отозвался Косой.

– Митяй, Валера, добейте раненых, если они есть, и затащите внутрь трупы всех, кто снаружи, – приказал я, кашляя от застывшего комнату сизого дыма. – Керчь, давай со мной, прикроешь. И ты, Косой, там не зевай. Серый, а ты держи на прицеле вторую посудину, если чего, вали их на дальних подступах!

Закинув автомат за спину и выставив перед собой пистолет, я осторожно выскользнул наружу. Перед крыльцом под

окнами лежали три тела. Все гарантированно мертвы: у двоих явный некомплект частей головы, третий прошит пулями так, что через него теперь удобно вермишель отбрасывать.

– Зырь, какой зачетный кепарик, – прошептал керчанин, тыча мне в лицо подобранную с пола бейсболку.

На кепке красовался логотип полиции Нью-Йорка. Иван тут же нацепил кепку на голову, причем выглядел настолько довольным, словно нашел миллион долларов. При этом бейсболка была явно маловата керчанину. Сразу вспомнился анекдот: если жена вернулась с курорта, а кепка тебе стала маловата, то варианта только два – то ли от пельменей у тебя голова вширь раздалась, то ли рога пробиваются.

Мы обошли дом и, завернув за угол, тут же обнаружили лежащего на земле парня – нашего провожатого с патрульного турецкого катера. Так вот он куда подевался!

– Дон шют! Дон шют! – заголошно зачастил турчонок, демонстративно отпихивая от себя дробовик.

– Что внизу?! – вдавив ствол пистолета в пулевое отверстие на ноге раненого, грозно спросил я.

– А-а-а! – Парень дернулся, громко завыв от боли. – Больно! Нет там никого, там пленники и пара рабов! Помогите, мне больно!

– Сколько вас здесь? Мы убили шестерых с пожарного буксира и тех двоих, что были с тобой, – не обращая внимания на крики раненого, продолжил я допрос. – Сколько еще ваших осталось?

– Не знаю, не знаю! – Раненый кривился от боли и ошале-
ло закатывал глаза. – Может, на буксире еще кто-то есть? Я
не знаю! Я здесь ни при чем!

– Слушай сюда, скотина, ты мне сейчас не заливай. Или
от тебя есть польза, или ты труп. Понял? Сколько здесь еще
ваших? Сука!

Последнее ругательство я выдал по-русски не специально
– просто промахнулся мимо и влез пальцем прямиком в от-
крытую рану.

– Русикий?! – Пленный так сильно округлил глаза, что я
реально испугался, что у него сейчас вывалятся наружу глаз-
ные яблоки. – Вы русикий?!

– Да! И если ты не начнешь приносить пользу, то тебе
трындец!

– Не убивай меня, не убивай! – От сильного испуга плен-
ный почему-то перешел с плохого английского на вполне
сносный русский. – Я помогать, помогать! На буксире оста-
лись еще двое, но они не бойцы. Они обслуга, бывшие рабы.
Не убивай меня, не надо!

– Сколько внизу человек? – спросил я, ткнув стволом в
сторону открытого люка.

– Десять. Три женщины, остальные мужчины. Все связаны
и не представляют опасности.

– А ну-ка, иди сюда.

Я ухватил пленника за шкурку и подтащил к открытому
люку. Прячась за спиной раненого, ткнул его головой в про-

вал хода, чтобы посмотреть на реакцию тех, кто внутри. Выстрелов не последовало. Уже хорошо!

– Эй, внизу, выходите или я сейчас брошу гранату! – крикнул я по-турецки.

Снизу раздались громкие крики, женский визг и проклятья вперемешку с ругательствами. Причем ругались на каком-то славянском языке.

– Последний раз предупреждаю: выходите с поднятыми руками или получите гранату! – крикнул я еще раз, но уже по-русски.

– Руски?! Руски! Руски и серби – брача за век! Не пуцай, овде свои!

«Ага, внизу сербы!» – догадался я. Странно, конечно, что здесь, на турецкой земле оказались сербы, но чего только в наше время не бывает.

– Керчь, держи этого. Если рыпнется, херачь его прикладом по башке, только не убей, он нам еще нужен, – приказал я. – Я вниз; если меня захватят, то закидай лаз гранатами!

– Бро, дык нет у нас гранат, – равнодушно пожал плечами собрат по оружию.

– Да-а? – притворно удивился я. – Ну тогда хоть обоссы их всех! Ладно, прикрывай меня и головой верти на триста шестьдесят градусов, а то хрен его знает, кто на звуки стрельбы сюда пожаловать может.

Вниз схрона вела крутая деревянная лестница, на нижней ступеньке которой висел фонарь. Я включил его и осветил

внутреннее пространство погреба. Подвал небольшой, с низким потолком, стены и потолок выложены кирпичом.

Вдоль стен стоят клетки, между которыми оставлен узкий проход. Справа три клетки и слева столько же. В первой правой клетке на полу, сжавшись в комочек, лежит девушка с длинными, черными как смоль, разбросанными по замызганному полу волосами. Дальше по правому ряду находится клетка с двумя женщинами престарелого возраста, а замыкает ряд клетка с тремя мужчинами явно турецкой внешности. В левом ряду первая клетка пустая, а следующие две заняты высокими, богатырской внешности мужчинами разного возраста. Все мужики бородатые, в оборванной одежде, с множеством окровавленных ран и ссадин. Все они связаны веревками.

– Руски, ми свои! Ослободи нас, ми нисмо неприятели! Помози нам! – яростно шептал мне высокий мужик с окладистой густой бородищей, держась связанными руками за прутья решетки.

– Я, конечно, что-то понимаю, все-таки языки похожи, но, может, кто-то говорит по-русски или по-английски? – обратился я к здоровяку.

– Я говорю по-русски, – донесся слабый голос из второй клетки. – Мислав говорит, что мы свои, и просит нас освободить.

– Вы вообще как здесь оказались? – спросил я, осматривая решетки.

Мужчины бородатой наружности и славянской внешности переполошились и сейчас стояли по стойке смирно, жадно пожирая меня глазами. Они бормотали и перешептывались между собой.

– Нас турки захватили в Черном море. Сначала нас было сорок человек, три семьи вместе плыли, но остальных продали кому-то в рабство. Освободите нас!

– Освобожу, обязательно освобожу, – успокоил я его, – только вначале разберусь, как это сделать. А эти откуда? – кивнул я на клетки напротив.

– Девушка на полу – Мирра, сестра Мислава. А остальные – местные турки, они жили наверху, но три дня назад их посадили к нам в подвал. Наверху остался глава семьи, толстый такой мужчина. Ключи от замков были у парня, который недавно спускался к нам.

Здоровяк, первым заговоривший со мной и внимательно прислушивающийся к нашему разговору, вдруг перебил рассказчика и что-то скороговоркой втолковал ему.

– Мислав просит, чтобы ты не убивал этого парня, а отдал его ему. Этот турок сильно оскорбил его, он унижал нашу сестру.

– Я подумаю над его словами, – уклончиво ответил я. – Турчонок мне еще нужен, мы здесь не просто так, у нас есть свои задачи. Как только решим их, и пленный перестанет представлять для нас ценность, тогда и решим его судьбу. Тебя-то как зовут?

– Меня – Михаил. Это Баян, тот – Василий, а старший у нас – Мислав. А вон его сестра, Мирра. Мы все из одной семьи, у нас общая фамилия – Пётровичи.

Мислав вновь что-то горячо высказал Михаилу, а потом, хмуро насупившись, посмотрел на меня.

– Мислав говорит, что если ты нас освободишь и дашь оружие, то он поможет русским освободить их генерала. Умрет, но чести не уронит. Мислав воевал в спецназе, у него богатый опыт.

– Хорош опыт, если вас захватили турки, – хмыкнул я.

Вот тебе и секретность. Даже пленные сербы и те в курсе, что мы появились в Синопе, чтобы освободить генерала Корнилова, хотя тут, наверное, и последний дебил свяжет вместе вооруженный отряд русских бойцов и пленного генерала той же национальности.

Михаил перевел мои слова своему брату, и тот тут же принялся объясняться:

– Нас е бугары, они пиуи нас незеро, и турции заробили нас у сну. Помози на рус, и я убити все турка, на коих ты покажаты!

– Что он говорит?

– Мислав говорит, что нас болгары опоили снотворным и сонных продали туркам, и если ты позволишь, то Мислав будет за тебя сражаться до последнего и убьет всех турок, на которых ты укажешь.

– Ладно, я понял. Но и вы поймите меня: мне не турок

убивать надо, а решить поставленную задачу. Если твой Мислав и правда в прошлом военный, то он должен понимать меня. Короче, мне не нужны мстители и сумасшедшие, а нужны дисциплинированные подчиненные, готовые точно выполнять приказы и поставленные задачи. Вы тут пошепчитесь между собой, а я пока найду ключи. Я в любом случае вас освобожу, но только от вас зависит когда: если дадите слово, что не будете пороть горячку, то освобожу сразу, а если хотите мстить и убивать турок почем зря, то освобожу попозже.

Не дождавшись ответа, я полез наверх. Пусть посидят, подумают. То, что нам попались сербы, готовые помогать – это хорошо. Но то, что они обозлены на турок, плохо: хрен его знает, как оно может повернуться. Башню сорвет, и начнет этот здоровяк Мислав в самый неподходящий момент крошить окружающих лиц турецкой национальности налево и направо, тем самым подставит всех нас.

Ну и что мне теперь делать с этими сербами? Может, и правда, лучше их пока не освобождать? Дать воды и еды побольше, да и пусть сидят в своих клетках? Или лучше их освободить и записать в члены своего отряда? Все-таки лишние пять пар рук не помешают. Хрен его знает!

– Ну, че там? – спросил Керчь.

– Сербы там, – ответил я. – Сербы и местные турки, сидят в клетках. Спусти им воды и еды, аптечку дай и одежды какой-нибудь. Только близко к клеткам не подходи и не ведись

на разговоры.

– Так вроде сербы всегда были за нас. Может, освободим их?

– Обязательно освободим, но позже, вначале разберемся с текущими делами. Этого перевязал?

– Ага.

– Эх, попал ты парняга, ох попал!

Размахнувшись, что есть силы засадил ботинком по большой ноге пленному и тут же добавил ему второй удар в лицо, чтобы заглушить крик боли, готовый вырваться из его глотки.

– Молчать, сука! – зло прошипел я в ухо пленного паренька. – Если хоть слово не по делу вякнешь, отдам тебя тому здоровому сербу, с чьей сестрой ты забавлялся. Понял? Только твое хорошее поведение и преданность мне помогут избежать этого!

– Я понял, все понял, господин! Сделаю все, как вы скажете!

– Быстро и четко рассказал, как работала ваша группа, и что должно произойти дальше. Сколько вас всего и где остальные? Кто главарь и кого ты называл Хозяином?

– Сколько всего человек в группе, я не знаю, меня самого сюда взяли недавно. Мехмед – мой двоюродный дядя, он и привел в банду. Хозяин – это главарь, его зовут Ахмед, он бывший военный, у него несколько кораблей и команда больше ста человек, сейчас они где-то в море, на берегу оста-

лось немного. А всего в отряде Ахмеда около тысячи вооруженных бандитов. Вчера Мехмед встречал небольшой катер, на котором были трое: один англичанин, молодой пацан и какой-то украинец. Англичанин рассказал, что следом идет его родственник с хорошим грузом на борту и просил помочь ему, потому что тот наивный и доверчивый человек. Вот Мехмед и решил подзаработать и захватить груз. Этот пирс давно стоял заброшенный, Ахмед держал здесь рабов и часть груза перед перепродажей.

– Чей буксир?

– Это посудина толстяка, который вас встречал. Он должен Ахмеду денег, и его семью держали в заложниках, пока родственники не соберут выкуп. Мехмед предложил ему подзаработать и сократить сумму выкупа. Тот согласился.

– Когда вернется Ахмед?

– Я не знаю, но, наверное, скоро. Завтра-послезавтра в Синоп должен прибыть Визирь из Стамбула, он заберет Черного генерала с собой. Тех людей, которых захватили с генералом, должны будут прилюдно казнить на площади, и под это дело местные торгаши организуют большое торговище – базар. Ахмед привезет ходовой товар – славянских рабов, молодых блондинок Наташек.

– Сюда он заглянет?

– Конечно. У него есть еще две стоянки, но здесь сербы, которых он тоже захочет продать. Так что сюда люди Ахмеда обязательно придут.

– Ясно. Буксир на ходу?

– Вроде да, но точно не знаю, топливные баки там пустые.

– У нас есть хороший товар: старинные сабли, автоматы и пистолеты из золота, медикаменты, швейцарские часы, дорогая одежда и прочее. Кому все это можно продать?

– Много кому, но проще продать сербов. На них есть покупатель, который купил всех их соотечественников. Лучше продать сербов, за них можно взять хороший барыш. А можно сразу на горючку поменять: тот бей, который хотел купить сербов, как раз топливом и торгует.

– Ай молодец. Видишь, какой умный мальчик. На лету все схватываешь. На, держи за это таблетку, – протянул я ему упаковку с обезболивающим. – Кроме Ахмеда и его людей больше никто сюда не придет?

– Вроде нет. Разве что Мехмед с братьями может заглянуть, чтобы посмотреть, какой куш мы взяли, но раньше обеда он не появится: пока сменится, пока дома отдохнет. Только после обеда и появится.

– Есть куда перегнать наш сейнер так, чтобы в глаза не бросался?

– Можно сразу к Бараку, это тот самый торговец топливом. Утром, как рассветет, выйдем в гавань и перегоним ваш сейнер к его причалу. Свяжемся по рации, я с ним поговорю, – сказал парень, жадно разжевывая таблетки. – Как мне к вам обращаться, господин?

– Эфенди, – через плечо бросил я.

Имя самого пленника меня вовсе не интересовало: зачем оно мне, если этого паренька в любом случае скоро придется уничтожить.

Оставив раненого валяться на земле под присмотром керчанина, я вернулся обратно в двухэтажный барак. Убитых турок затащили на первый этаж и свалили в кучу в углу. Мои мужики почему-то выглядели какими-то грустными и были чем-то встревожены.

– Чего такое хмурые? – спросил я.

– Валеру убили, – огорошил меня Митяй.

– Как?! – опешил я. – Кто? Я не слышал никаких выстрелов.

– Видимо, когда турки ворвались и начали шмалять в разные стороны, одна пуля пробила стенку и напрямик Валерчику в сердце угодила. Вон он лежит, мы его шторкой прикрыли. Надо бы похоронить пацана. Хороший мужик был.

– Похороним, обязательно похороним, – сказал я, осматривая труп немого.

Действительно, небольшое входное круглое пулевое отверстие в левой стороне груди. Крови немного, при беглом осмотре и не заметишь. Жаль мужика, он был самым спокойным и тихим из нас, и дело вовсе не в том, что он не разговаривал. Просто он был другим – более интеллигентным, более вежливым и культурным. Хорошим был мужиком!

Царство ему небесное, земля пусть ему будет пухом!

Глава 3

Валеру похоронили рядом с причалом. Там был кусок вывороченного взрывом бетонного покрытия, с помощью лопат расширили и углубили воронку, положили туда тело Валеры, замотанное в ковер, присыпали землей. Распили бутылку турецкой водки и сухо щелкнули затворами пяти автоматов, изобразив скорбный салют.

Сейнер мы оставили пришвартованным на причале возле злополучного барака. Все ценное, включая топливо, перетасили на буксир. Чтобы быстрее справиться с погрузочно-разгрузочными работами, припахали сербов и пленных турок. Вкалывали всю ночь как проклятые, но с рассветом все было окончено, и когда солнце появилось над горизонтом, буксир прогревал свои силовые машины.

В команду записали не только сербов, но и турок в полном составе, вместе с женщинами. Кстати, турки на самом деле оказались этническими грузинами. Многие не знают, но в Турции полно этнических грузин; даже их последний национальный лидер Эрдоган и тот имел грузинские корни: его предки были родом из Батуми. Старшим над турками поставили одного из сербов – мужчину по имени Баян: мне он показался самым рассудительным и спокойным из своих соплеменников.

С сербами я пересекался много раз: у нас в вузе их бы-

ло очень много, действовала целая программа по обмену студентами, одно время я даже курировал подобную группу сербских студентов.

Сербы, как и любая другая нация, обладают как положительными, так и отрицательными чертами. И, рассматривая сербов со всех сторон, обнаруживаешь, что, пожалуй, как и у всех, положительное перевешивает отрицательное. Есть у сербов такая схожая с нами черта – это любовь перемыть кости своим европейским соседям и навесить ярлыки. Босанцы тупые, болгары – хитрожопые цыгане, как и итальянцы. Македонцы тоже хреновые, хорваты – фашистские козлы, черногорцы – просто козлы. Все западные страны – швабы, у которых нет души, и ваще роботы, в большей или меньшей степени.

Но Россия – старший брат и вообще мама. Так и говорят: «majka Rusija», «na nebe – bog, a na zemli – Rusija», «nas i rusa 300 miliona» и так далее. Это, если непонятно, переводится так: «мамка Россия», «на небе – бог, а на земле – Россия» и «нас с русскими 300 миллионов». Но в то же время это отношение вызвано корыстными мотивами, как мне кажется. Обмануть руса при этом не возбраняется, так как, по мнению большинства, каждый русский – олигарх. Когда пытаешься объяснить, что это не так, кивают головой на Черногорию, где русские скупили все побережье.

Как и мы, сербы любят поговорить о душе и собственной исключительности, считая себя богоизбранным наро-

дом. Мой сербский знакомый, который учился у нас на инженера, как-то рассказал о своем приятеле, православном, который очень рассердился, когда на старости лет узнал, что Иисус не серб, а еврей.

Религия – больше способ самоидентификации народа, ибо окатоличенный серб – это хорват, а оправославленный хорват – это серб (не я придумал, так священник объяснял). Со всякими постами и другими правилами вообще никто не парится. Тетки заходят в церковь в мини-юбках, без платков на голове и прочего. У девяноста процентов пацанов татухи, часто на религиозную тему, а о том, что существует запрет на тату, думаю, никто и не догадывается. Но при этом будут бить себя пяткой в грудь, какие они православцы, и рассказывать о том, как римокатолики хотят погубить православие. Мясо и ракия в пост заходят как дети в школу. Выглядит все это забавно. Также, как и в России, где наряду с православными праздниками существуют и чисто языческие.

А вот хамства нет – ни в магазине, ни в полиции, ни в других учреждениях. В основной массе все доброжелательны, готовы помочь. Но есть одна штука, я даже не знаю, как это назвать, для себя называю – низкая культурка. Например, встать в дверях в магазин двумя семействами – и пусть весь мир подождет. Но опять же, все это без агрессии, по недодумке какой-то. Но, насколько знаю, данная черта присуща многим нациям: видел такое и в Израиле, и в Испании, и в Италии.

Старшего грузина, того самого, которого я зарезал ножом, звали Або, его тоже похоронили – закопали на заднем дворе гостиницы, замотав в ковер. В подвале сидели его жена, дочь, два сына и племянник, а на буксире были их работники – два грека с Кипра. Я не стал запоминать их имена, лишь пригрозил скорой и кровавой расправой, если предадут. Вначале я удивился, что они выказали желание идти с нами, но потом сообразил, что особого выбора у них нет: остаться здесь – значит гарантированно попасть под гнев страшного Ахмеда.

Про этого турка мне уже столько всего наговорили, что первое, что я сделаю, если его встречу, это разряжу в него полный магазин автомата, а потом еще буду долго бить прикладом по голове, чтобы он, не дай бог, не поднялся, потому что, со слов окружающих, Ахмед был сущим демоном во плоти, который лютой ненавистью ненавидел всех русских.

Специализировался Ахмед на работоторговле и набегах на поселения вдоль берегов Крыма и всего северного Причерноморья, угоняя в рабство преимущественно славян. Тех, кого он по каким-либо причинам не продавал в рабство, мучил до смерти и зверски убивал. Но местные, жители Синопа считали его героем и всячески ему потакали, по крайней мере, казни, которые он устраивал на городской площади, собирали толпы народу и вызывали аншлаги.

Сербы оказались весьма прилежны и сразу же приняли мое безоговорочное командование. Лишь сестра Мислава позволила себе легкую вольность, отлупив палкой своего му-

чителя. Но я приказал не вмешиваться, и лишь когда увидел, что девушка перешла от бессистемных ударов к целенаправленному битью по голове, дал команду оттащить запыхавшуюся тигрицу от ее жертвы.

Связались по рации с Петровичем, и указали им свои координаты. Катер был у нашего пирса уже через тридцать минут. Как только парни сошли на берег, произошел еще один инцидент. На этот раз отличился Гарик. Когда Исмаил вместе с Петровичем и Женовой вошел в холл гостиницы и увидел гору трупов, лежащих в огромной луже застывшей крови, у него, похоже, случился нервный приступ. Вообще, надо отметить, что наш турецкий подросток до этого держался весьма и весьма достойно, он воевал и переносил трудности наравне с остальными, более взрослыми мужчинами, и удивительно, как у него раньше не поехала крыша.

Гарик вдруг начал громко кричать, хватать себя за голову, а потом внезапно выхватил пистолет из кобуры и хотел было застрелиться. Но стоявший рядом Хохол мастерским ударом выбил пистолет из его рук, а потом еще и повалил парня на пол. Гарика скрутили, насильно влили в него два стакана крепкого алкоголя и, как только он уснул, утащили отсыпаться в каюту сейнера, а чтобы не натворил бед, связали руки и ноги. Если после долгого сна мозги Исмаила не придут в норму, то придется его застрелить, ибо возиться с умалишенным нет ни желания, ни опыта.

Пока остальные перетаскивали наши пожитки с сейнера

на буксир, я терзал расспросами пленного турка и одного из грузин по имени Заза. Заза, старший сын Або, последние два года жил вместе с семьей в Синопе и неплохо знал местную обстановку. Он начертил мне несколько схем города, указав названия улиц и расположение особо интересовавших меня объектов. К таким относились гостиницы, постоялые дворы, богатые лавки, участок, на котором базировался отряд местной самообороны, самодельные АЗС и оружейные магазины. Полученную информацию я перепроверил у пленного турка и брата Зазы, молодого пацана по имени Бесо. Все сошлось!

Похоже, мы сами себя загнали в ловушку. Из-за того, что в скором времени в Синоп должна навестись крупная местная шишка – какой-то там Визирь, – город закрыли на выезд всех желающих, то есть действовала система ниппель: внутрь – дуй, а обратно – фиг! Всех впускать, никого не выпускать!

Оно, в принципе, и понятно: турки ведь не дураки, понимают, что на свободе осталась какая-то часть людей генерала Корнилова и они по-любому попытаются отбить своего командира. Логично было бы закрыть город наглухо, но здесь уже в дело вступила природная жадность, свойственная любому турку. Как ни крути, а турки больше торгаши, чем вояки, для них прибыль и барыш важнее каких-либо побед и свершений. Поэтому и было принято такое половинчатое решение: всех впускать в город, чтобы принять как можно больше торговцев и покупателей на завтрашней ярмарке, организованной в честь захвата генерала Корнилова, а выпу-

стить всех понаехавших только после того, как люди Визиря увезут из города Черного генерала.

Турки – народ своеобразный, они вроде как одновременно азиаты, люди Востока и чуть-чуть европейцы. Здесь все, что нельзя купить, можно купить за большие деньги. Здесь не просто коррупция и продажность вся и всех – здесь такой менталитет.

Коррупция, действительно, разрушила великую Османскую империю, которая когда-то простиралась от Вены до Персидского залива. Министры Блистательной Порты за деньги продавали любую должность, брали «подарки» – не только у провинциальных чиновников, но и у послов иностранных держав. Путем подкупа османских должностных лиц иностранцам сотни раз удавалось доставать копии секретных дипломатических документов и добиваться выполнения договоров.

Фаворитки султана через евнухов получали крупные взятки от просителей – за протекцию при получении высокой должности или за право лично общаться с великим султаном. Кстати, будущий российский фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов, прибывший в свое время в Стамбул в качестве главы дипломатической миссии, добился выгодных условий при заключении очередного мира между Российской и Османской империями, подаривая фавориток в гареме.

Бюджет Османской империи в различные периоды на пят-

надцать – двадцать процентов складывался из налога на взятки! Коррупция в среде столичной бюрократии приняла чудовищные размеры. Государственная казна как бы освящала систему взяток, отбирая определенную часть в свою пользу. В XVII веке при османском финансовом ведомстве создали даже специальную «бухгалтерию взяток», где все-таки занимались учетом подношений, которые получали государственные чиновники разных рангов.

В обществе до сих пор идут дебаты о том, что же можно считать настоящей взяткой. Многие уверены, что благодарность за сделанную работу не является разновидностью взятки. В Турции, как и в любой восточной стране, правила хорошего тона требуют давать щедрое вознаграждение друзьям и знакомым. Кумовство (аркадашлык) чрезвычайно развито, оно не только практикуется, но и даже приветствуется в турецком обществе.

Типичный случай: встречаются два турка, у одного из них в государственном департаменте служит родственник; чтобы завоевать расположение и получить услугу, ему посылают подарок, якобы от родственника, а фактически – взятку, которую дают не только наличными деньгами. Можно подарить, к примеру, золотые монеты. Это один из самых распространенных способов – закон такие подарки не запрещает. Мзду упаковывают в специальный «подарочный» пакет, к которому некоторые прикрепляют небольшой фарфоровый глаз – талисман, чтобы застраховать сделку. И вот на таких

мелочах можно было очень легко погореть.

В общем, соваться в чужеродную среду было опасно, сейчас не мирное время и тут не туристическая Анталя. Мы сейчас для местных не ходячие кошельки с лирами, а враги! Как правильно поступить в такой ситуации, я не знал. С одной стороны, совершенно не хотелось зря погибнуть, спасая Корнилова, а с другой стороны, мне во что бы то ни стало надо знать, причастен ли генерал к смерти моих друзей и близких.

И вот тут я понял, как убить двух зайцев одновременно и сделать так, чтобы и рыбку съесть, и на пальму влезть, да еще и перед своими людьми не упасть в грязь лицом. Мы взорвем к чертям собачьим тюрьму, в которой держали Корнилова, благо там не особо больших размеров бетонный домик, потом уничтожим форт, прикрывающий выход из порта, заодно сожжем пару местных АЗС. И под прикрытием всего этого шума-гама свалим из Синопа, захватив с собой добро, нажитое торговцем топлива Бараком. Вот такой вот хитрый и одновременно простой план.

Хорошо бы еще найти Винта и его товарищей, но можно и без них. Целиком в суть плана я никого не посвящал: во-первых, он еще был сыроват, а во-вторых, еще неизвестно, как бы тот же Серега или Петрович на него отреагировали.

Глава 4

К торговцу топливом Бараку решили выдвинуться на катере, оставив буксир торчащим в гавани. В катер набились шестером: я, Петрович, Керчь, Серега, пленный турок и Женева. Вооружения у нас хватало: у всех, за исключением пленного, автоматы и пистолеты, ручной пулемет и трофейные гранаты. Из товара взяли только один ковер с саблями, пару ящичков с медикаментами и несколько автоматов с золотым покрытием.

Катер подошел к короткому пирсу, у которого уже стояло прогулочное судно – двухпалубный теплоход, каких раньше было просто пруд пруди в туристических районах, на них катали туристов, тут были организованы комфортабельные каюты, неплохой ресторан и кинотеатр. Но все это было раньше, в те далекие времена, когда Турция была туристической Меккой всего бывшего СНГ и прочих нищевродов. Сейчас прогулочный теплоход был оборудован дополнительной защитой, несколькими пулеметными точками и какой-то хреновиной, сильно смахивающей на миномет. Вот такие вот современные тенденции в кораблестроении.

На пирсе нас уже ждала делегация встречающих: трое турок, вооруженных автоматическими винтовками М-4. То, что мы тоже были при оружии, их нисколько не смутило, но они сразу же настойчиво попросили оставить все огнестрель-

ное на катере. Что мы, собственно говоря, тут же и сделали. Прямо на дощатом покрытии пирса разложили свой товар и стали договариваться о сделке. Помимо выложенного товара сразу же заикнулись о готовности продать пятерых сербов – четверых мужчин и одну девушку. Я даже показал групповое фото, на котором пятеро связанных сербов злобно зыркали в объектив.

Весь предложенный товар тут же был оценен по достоинству, и мы стали договариваться об условиях. Вот тут и начались заминки и камни преткновения. Во-первых, встречающая сторона наотрез отказывалась производить товарообмен из рук в руки, то есть вот вам лекарства и золотые пушки, а вы нам тут же соляру в бочках. Нет, злодеи с американскими винтовками почему-то хотели сначала получить наш товар, а свой привезти только на следующий день. Суки! Как будто начитались Ильфа и Петрова с их классическим: «Утром деньги – вечером стулья, вечером деньги – утром стулья». Во-вторых, первым делом они желали заполучить рабов, причем без первоочередной продажи рабов о дальнейшей торговле и речи быть не могло.

Пленный турок уверял, что данная торговая схема вполне нормальная, и здесь все так делают дела, когда одной из сторон выступают незнакомые хрены с бугра (то есть мы). Вот такие вот пироги с кутятами!

Торговались мы долго, больше двух часов, я все никак не сдавался и продолжал спорить. Под понятием «торг» мы

подразумеваем процесс переговоров между людьми, которые пытаются прийти к взаимному соглашению. В Турции существует поговорка «Pazarlık sünnettir», что можно перевести как «Торг – это обычай». По давней традиции здесь принято торговаться по поводу лучшей цены. В Турции есть и другая пословица: «İsteyenin bir yüzü, veremeyenin iki yüzü kara» – «Тому, кто просит, стыдно; но тому, кто отказывается в просьбе, стыдно вдвойне». Поэтому, будь это мелкий лавочник или крупный бизнесмен, все следуют распространенному турецкому обычаю торговаться при любой сделке купли-продажи.

Вопреки распространенному мнению, целью торгов является не только снижение стоимости товара. Помимо получения справедливой цены, переговоры включают в себя соглашение о разумных сроках поставки и приемлемых гарантийных условиях, а также уточнение пунктов договора. Процесс переговоров рассматривается как диалог, который начинается со знакомства сторон и заканчивается подписанием окончательного соглашения.

Существуют определенные правила, которые необходимо учитывать в ходе торгов. Результат переговоров напрямую зависит от того, в каком ключе и каким образом вы торгуетесь. Важно внимательно прислушиваться к условиям другой стороны, часто переспрашивать, уточнять и вести переговоры в позитивном ключе. Вежливо высказанные предложения всегда вызывают более живой отклик и работают луч-

ше. Внимательное отношение к требованиям другой стороны продемонстрирует собеседнику ваше уважение, что положительно скажется на конечном результате. Ну а что, здесь все-таки Восток, и торговаться надо до последнего, иначе тебя просто не поймут и примут за лошка. А оно нам надо? Нет! Вот и торговался до хрипоты в горле.

В итоге пришли к обоюдовыгодному соглашению, и я все же турок дождал. Ну дык все-таки я в прошлом тот еще переговорщик и хитрован!

Короче, завтра утром встречающая сторона пригоняет два грузовика, в которых нас вместе с товаром и рабами отвезут в дом к господину Бараку. Там товар оценят по достоинству и сразу же обменяют на топливо и все, что мы пожелаем. На прощание нам оставили пару листов бумаги – прайс, где было указано, что и по какой цене можно сторговать у господина Барака. Просмотрев прайс, я понял, что за наш товар вполне можно выручить десять тонн дизтоплива, несколько бочек моторного масла и кое-что из взрывчатки, которой тоже торговал Барак. К слову, в его прайсе имелись даже танки и минометы. Интересно, а С-300 есть?

Пленный турок тут же предупредил меня, что всех бойцов с собой не разрешат взять, максимум двоих-троих, да и оружие не позволят брать, и вообще, хорошо будет, если там всех не убьют, чтобы не платить за наш товар и сэкономить дефицитное по нынешним временам топливо. Мы ведь не местные, и с нами можно не церемониться, опасаясь за ре-

путацию честного торговца. Вот такие вот мрачные перспективы.

Но мы еще посмотрим, кто кого. Как говорил мой знакомый: «На каждую хитрую жопу найдется фуй с винтом, а на фуй с винтом найдется жопа с лабиринтом, ну а на жопу с лабиринтом найдется фуй с путеводителем!» Так что прорвемся, и не из таких передрыг выскакивали.

Посудина нам досталась добротная и надежная. Со слов Валеры, захваченный нами пароход очень напоминал спасательные буксиры проекта 733С, предназначенные для оказания помощи аварийным кораблям и подводным лодкам в дальней и ближней морской зоне, буксировки аварийных плавсредств, тушения пожаров, откачивания воды, ликвидации аварий. Только в отличие от советского проекта 733С наш буксир был немного меньше и проще, но в целом тот же функционал, рассчитанный на черноморскую «лужу».

Длина буксира около тридцати пяти метров, ширина примерно восемь метров. Две кран-балки, просторная кормовая палуба, где можно было разместить не только наш катер, но и еще что-нибудь существенное. Запас хода – больше пяти тысяч морских миль. Внутреннего пространства достаточно, чтобы комфортно разместить команду в тридцать рыл и столько же пассажиров. В общем, после малютки сейнера – царские хоромы. Кстати, о сейнере! Негоже оставлять его здесь. Хорошо бы, когда будем покидать турецкие берега, прихватить страдальца с собой. Надо только найти на него

парочку опытных мореходов.

Вернувшись на корабль, застал идиллическую картину: Керчь восседал на табурете, как царь на троне, а вокруг него кружком разместились четверо сербов и внимательно слушали его рассказы.

– Бро! Бро, прикинь, Мислав был в Керчи! Круто! Скажи, круто! – Ванек подскочил и буквально затанцевал вокруг меня. – У них в Югославии во время войны был отряд русских добровольцев, – радостно улыбаясь, тараторил Болтун, – так вот, этим отрядом командовал керчанин Александр Шкрабов, и Мислав после войны приезжал в Керчь, чтобы привезти земли с могилы Шкрабова. Так это ладно! Я, короче, тут прикинул хрен к носу и понял, что знаю сына этого самого Шкрабова. Прикинь, какая Земля круглая: как ни крути ее, а все равно все дороги в Керчи сойдутся! – сделал парень неожиданный вывод.

– Охренеть – не встать, – согласился я. – Если вечер воспоминаний у вас закончился, то зови сюда остальных, и давайте держать военный совет. У меня тут пара мыслей появилась, надо их обсудить.

Обсуждение плана предстоящей операции затянулось до вечера. В итоге вырисовался рискованный план по захвату поместья торговца топливом. Если все пройдет так, как надо, то мы не просто получим нужное нам количество топлива, но и дополнительное оружие, включая взрывчатку, а также еще около десятка новых бойцов. По мнению пленно-

го турчонка, проданные неделю назад Бараку сербы до сих пор должны были томиться где-то в подвале его виллы.

Продавец топлива планировал отправить их на свой самодельный нефтеперегонный заводик, где из-за нечеловеческих условий труда и опасных условий производства была постоянная текучка кадров. Видимо, из-за скорой отправки очередной партии живого товара торгаш так и спешил заполучить оставшихся сербов. Действительно, зачем гонять лишний раз колонну на нефтеперегонный завод из-за каких-то там пятерых сербов? Лучше подождать лишний денек и отвезти всех скопом.

Отправив катер с Женовой, Косым и Серегой на другую сторону гавани, я завалился спать. Раз уж нам всем нельзя поехать в гости к мнительному торгашу Бараку, то почему бы троим моим бойцам не завалиться к нему в гости с тыла? Зайдут огородами и, если что, прикроют нас огнем пулеметов. Как попасть в поместье Барака по земле, пленный турок вполне понятно изобразил на листе бумаги, нарисовав неплохую схему подхода.

Спал я в отдельной, капитанской каюте. Ну а почему бы и нет? В конце концов, капитан я или кто, якорь мне в зубы?! Попугай Кирря облюбовал себе место на шкафу, куда я ему перед сном сыпанул жменю орехов. Вредная птица матом пожелала мне одновременно долгого здоровья и глубокой могилы. Я в ответ обматерил попугая, усомнившись в его половой ориентации и, выключив свет, лег спать. Выру-

бился быстро: только голова коснулась подушки, и я сразу же забылся глубоким сном.

– Пол-лундр-ра! наших бьют, сук-ки-и! – заполошно заорал попугай среди ночи. – Свистать всех наверх-х! Пиндосы атакуют! Вспышка справ-ва-а!

Не открывая глаз и еще окончательно не проснувшись, я тут же плюхнулся с койки на пол, в полете подбил кого-то под ноги и, как только сверху на меня навалилось тяжелое человеческое тело, тут же вцепился пальцами в первое, что попало мне под руку. Действовал на автомате и инстинктах, вбитых в тело трехлетними скитаниями в постапокалиптическом мире.

– А-а-а, яратик, ярда мит! – взвизгнул от боли мужской голос и тут же без перехода злобно добавил: – Сени гебердежи, жанкуртарам!

Что кричали мне на ухо, я сообразил бы и без переводчика. Сначала нападавший обзывался и звал на помощь, а потом обещал убить и вновь бранился.

Когда тебя пришли убивать, о правилах приличия забываешь раз и навсегда. Стиснув пальцы сильнее, я что есть мочи дернул нападавшего на себя и тут же вцепился зубами в его шею. Фонтан чужой крови хлынул мне в рот, я выплюнул кусок плоти и, рывком ухватившись за руку, которой враг пытался закрыть свою рану, сломал чужое запястье.

– А-а-а! А-а-а! – зверским голосом закричал противник.

И тут мне по голове ударили чем-то мягким. Удар не при-

чинил мне никакого вреда, зато показал, что в комнате есть кто-то еще. Махнув несколько раз руками в разные стороны, я ухватился за чью-то тонкую лодыжку и тут же дернул ее в сторону. Рядом на пол плюхнулось тело, и раздался какой-то тонкий, женский визг, который тонул в реве первого врага. Не отпуская захваченной лодыжки, я второй рукой нащупал лежащий на полу разгрузочный жилет с пристегнутыми к нему подсумками и, ухватив его за ляжку, принялся что есть мочи колошматить оба барахтавшихся на полу тела.

Суммарный вес жилета с автоматными магазинами около пяти килограммов, этого хватило, чтобы окончательно внести разгром в стан противника. Каюта наполнилась криками боли и визгами ужаса, к общей какофонии присовокупились еще и матерные крики попугая, который кружил в темноте под потолком и обещал всех порвать, как тузик грелку. Его хриплые ругательства добавляли мне сил и злости. Нанеся с десятков ударов, я отбросил жилет и смог наконец добраться до пистолета, лежащего под подушкой.

Бах! Бах! Бах! Бах! Четыре выстрела в замкнутом пространстве малюсенькой каюты прозвучали подобно грохоту пушки, на несколько секунд меня несколько оглушило и на какое-то мгновение я потерял ощущение реальности. Мне показалось, что в углу каюты шевелится и блестит что-то темное и большое, и я, не думая, тут же разрядил остатки магазина в это шевелящееся пятно в углу.

Сменив магазин, подтянулся на руках и щелкнул тумбле-

ром выключателя, благо из-за миниатюрности помещения все было почти под рукой. Когда электрический свет залил пространство каюты, моим глазам предстала картина произошедшего. Пол каюты залит кровью – ее натекло так много, что она была повсюду. Все убитые, а их оказалось четверо, были теми самыми турками-грузинами, которых мы освободили вместе с сербами. Здесь были трое мужчин и одна из женщин – та, что помоложе, сестра зарезанного мной толстяка Або.

Не надо иметь много ума, чтобы понять, что здесь произошло. В углу каюты, дверь которой я на ночь запер изнутри, был тайный лаз, через который нападавшие и проникли внутрь. У первого нападавшего в руках был разделочный топорик – им, видимо, они и планировали меня убить. Но попугай, дремавший на шкафу, предупредил меня и расстроил их планы. Кстати, если верить приключенческим книгам, пираты в старинные времена в качестве самодельной сигнализации использовали как раз домашних питомцев.

Видимо, все-таки эти люди убийцами были никакими, потому что времени, чтобы распотрошить меня, у них было предостаточно. Да и зачем было ломиться ко мне в каюту такой толпой? А они, скорее всего, мстили мне за смерть их родственника Або, поэтому и хотели посмотреть на цвет моих мозгов. В каюту сперва проникли двое – сестра и старший сын Або. А когда началась возня, в лаз сунулись еще двое, но из-за тесноты и спешки они больше мешали друг другу, чем

помогали. Хорошо, что я все-таки дотянулся до пистолета, а нападавшие были без огнестрельного оружия. В итоге они – мертвы, а я – красавчег!

В дверь каюты заколотили, и с той стороны раздались знакомые голоса Ванька и Петровича. Ну вот и кавалерия пожаловала. За спинами Хохла и керчанина маячил Гарик, а где-то в конце коридора слышался топот – видимо, это были сербы.

Я открыл дверь, приглашая их внутрь, но они почему-то так и остались в коридоре.

– Иваныч, че здесь произошло? Трасця твоєї матері! Собачья печенка, шо тут трапылось? – спросил бледный Хохол. – Ты цел? Не ранен?

– Нормально, – отмахнулся я. – Мстители пожаловали по мою душу. Хорошо, что попугай предупредил, а то разделали бы меня, как бог черепаху. – И спросил враз осипшим голосом: – Выпить есть?

Только сейчас на меня накатила волна адреналинового отката, и я осознал, как мне повезло. Повезло, что нападавшие оказались криворукими убийцами; повезло, что у меня в каюте был нервный и крикливый попугай; повезло, что они шли мстить и заперлись всей толпой, больше мешая друг другу, чем помогая. В общем, мне сегодня капец как повезло. Ладно еще умереть в бою, но вот так, ночью, в собственной постели быть зарезанным какими-то доморощенными мстителями было страшно.

– Держи! – Петрович протянул мне небольшую серебряную флягу, явно подрезанную в поместье стоматолога. – Только осторожней, там спирт!

Не обратив внимания на его слова, я махом вылил в себя содержимое фляжки, даже не почувствовав спиртовой горечи. Взяв протянутую Хохлом зажженную сигарету, глубоко затянулся. Курю я редко, раньше вообще не курил, но в последние три года, когда все вокруг встало на дыбы и понеслось вскачь, бывает, покуриваю.

– Бро, а это че у него на шее? – тихо спросил решившийся войти в каюту керчанин. – Укус, что ли?!

– Ага, – кивнул я, – вырвал кусок мяса из шеи, Дракула хренов!

– Бро, а ты вырванное из шеи мясо выплюнул или проглотил? – заинтересовался Керчь.

Сделав пару затяжек, я почувствовал, что мне резко стало плохо: перед глазами поплыли разноцветные круги, в голову ударил алкоголь, и меня тут же вывернуло наизнанку.

Проблевавшись и кое-как отдышавшись, я принялся «рубать шашкой» и костерить всех и вся:

– Едрить твою в коромысло, Баян, псина ты сутулая! Какого рожна тебя поставили охранять пленных, что ты их промудохал?! – взревел я, обращаясь ко всем сразу сербам, которые к этому времени прибежали на звуки выстрелов. – Фраер ты в маминой кофте, как ты за ними следил, что они всем скопом по кораблю шастают, как по Красной площади на де-

вятое мая?! Миха, в гроб тебе ведро помоев! – обратился я к русскоговорящему сербу. – Какого фига ты тащишься, как трамвай на повороте?! Переводи, что я говорю, а то этому гамадрилу, похоже, не понять, что он накосячил, два весла ему в рот! Да фигли ты ржешь?!

Серб Михаил согнулся пополам и, тряся плечами, давился от смеха.

– Командир! Алексей! Прости, но половину твоих слов я не знаю, как перевести на сербский. Однако Баян уже понял, что виноват. Но турки выбрались из закрытой каюты: это их же корабль, вот он и знали про скрытые двери в стенах, – развел руками Миха.

– Три в господа бога душу мать колумба христофора, бабушку в лысый череп! – обреченно произнес я. – Ладно, проехали! Сербы, вам привести каюту в порядок! Петрович, Керчь, Гарик, дуйте в машину и слегка вломите грекам звиздюлей, свяжите, а потом закройте их где-нибудь, утром разберемся, за кого они. Потом найдете оставшуюся тетку из этих, – махнул я в сторону трупов в каюте, – ей по горлу чик – и в колодец.

Ясно?! Выполнять! – Я озадаченно хлопнул себя по лбу. – Блин! Надо теперь все планы переписывать, ведь рассчитывали на этих козлов. Сука!

Вот тебе и поспали. Ладно, сейчас все решим. Короче, быстро выполнили поставленные задачи – и в кают-компанию! – приказал я. – Будем держать военный совет!

Глава 5

Тянувшийся впереди крытый фургон немного сбавил скорость, наша колымага тоже притормозила. Я держался за крышу кабины, внимательно оглядывая окрестности. Понятно, что не смогу заметить группу Женевы, но очень хотелось. Все-таки они наша основная огневая сила, без их «крупняка» долго нам не продержаться.

В десять утра к нашему буксиру подкатили два грузовика – большой крытый фургон и пикап с длинным открытым кузовом. В фургон сложили груз, а в пикап залезла наша «банда»: я, Петрович, Ванек и четверо «пленных» сербов. Митяй, Гарик и сербка Мирра остались на буксире. Пленный турок тоже оставался на корабле. Гарику я строго приказал не допустить расправы над бедолагой: он еще был мне нужен. А то уж больно кровожадно смотрела на пленного сербка, когда мы покидали судно.

Сначала приехавшие люди Барака хотели связанных сербов тоже погрузить в фургон, но от них так шибало воню, что турки, презрительно сморщив носы, указали им на кузов пикапа. А нам только это и надо.

Перед погрузкой в машины нас троих основательно обыскали, исключив всякий намек на тайный пронос любого оружия. А вот сербов не обыскивали. Оно и понятно: кому захочется лезть к ободранным, окровавленным и вонючим те-

лам? Уж точно не брезгливым туркам!

Наши утренние сборы начались коряво и неуклюже. Еще ночью мне не дали толком поспать. Сначала я долго ругался с нашим «первым после бога» Митяем: он встал грудью на защиту греков и никак не соглашался, чтобы их немножко избили в профилактических целях. Я не стал с ним спорить и махнул рукой, пообещав, что если греки выкинут что-нибудь вроде ночного беспредела их бывших хозяев, то Митяй уйдет на дно вместе со своими подзащитными.

Потом выяснилось, что Ванек и Петрович не могут замочить старуху. Им, видите ли, совесть не позволяет поднять руку на беззащитную женщину, а то, что ее родственники пытались меня выпотрошить, для них не аргумент. Ну да ладно. Честно говоря, я тоже не смог вот так взять и пристрелить старушку, пусть она и костерила нас всех почем зря. Решили запереть ее в каюте, а когда будем окончательно уходить из Синопа, оставим ее на берегу.

Из-за всех этих разборок и затянувшегося до утра военного совета я и не выспался. Настроение было просто отвратительное...

От сербов очень сильно шибало мочой и дерьмом. Вроде как человеческий нос со временем привыкает ко всем запахам, но, должно быть, мое обоняние было каким-то особенным и утонченным, потому что всякий раз, когда порыв ветра налетал с правой стороны борта, где кучковались братья-славяне, я болезненно морщился и кривился.

Между прочим, идея извлекать сербов в фекальных стоках принадлежала мне, и это была не капризная блажь, призванная наказывать их за то, что Баян прозевал чуть не зарезавших меня турок. Нет, все было намного сложнее. Извасюканные в дерьме сербы несли под своей одеждой оружие – пистолеты и гранаты. А весь этот вонючий маскарад разыгрывался для людей Барака. И все сработало как надо: во-первых, сербов не обыскали, а во-вторых, их не поместили в другую машину, то есть в случае опасности мы имели доступ к оружию. Короче, я гений и молодец!

– Иваныч, если все выгорит, то я никогда больше не буду обсуждать твои приказы! – понизив голос, сообщил мне Иван, стоявший рядом.

– Хорошо бы, а то вы достали уже. Не команда, а сборище демократов: каждый так и норовит спорить с командиром, – буркнул я, намекая на горячие споры во время ночного военного совета.

Знатно мы ночью покричали друг на друга, доказывая каждый свою точку зрения, чуть до потасовки дело не дошло. Но ничего, как-то обошлось. Надо завязывать с этой демократией, а то взяли моду оспаривать мои «гениальные» решения! Да, я предложил сумасшедший и рискованный план, ну и что? На первый взгляд кажется, что он практически невыполним и, скорее всего, мы все погибнем, но кто не рискует, тот, как известно не пьет шампанского! Хотя я сейчас предпочел бы не бокал игристого вина, а стаканяку

водки!

Сейчас было бы неплохо еще раз обговорить с сербами кодовые фразы, после которых они должны вступить в игру, но нельзя привлекать внимание встречающей стороны, а то они и так подозрительно на нас косятся.

То ли из-за беспокойной ночи, то ли из-за плохих предчувствий, но вот сейчас, когда я стоял в кузове трясущейся из стороны в сторону машины, меня одолевали нехорошие мысли. Совершенно не хотелось ехать дальше. Казалось, что я втянул не только себя, но и своих товарищей в безнадежную авантюру. По факту мы сейчас сами лезем врагу в пасть.

Сколько у Барака вооруженных нукеров, доподлинно не известно. Пленный турок говорил, что около сотни, но часть из них охраняет нефтеперегонный завод, часть находится где-то за городом. Именно на том, что с Баракком сейчас только малая часть его людей, и строился весь мой план. Вот только выгорит ли он? А вдруг пленный врал или попросту не владел всей информацией? А может, люди Барака уже вернулись из рейда. Черт его знает!

– Бро, ты о чем задумался? – вырвал меня из тягостных мыслей встревоженный голос Ивана.

– Шарап! – цыкнул я и тут же добавил: – Спик онли инглиш!

– Окей! – послушно отозвался керчанин.

Жаль, что со мной сейчас нет Женева или Гарика: только эти двое в полной мере владели английским языком, осталь-

ные едва могли связать пару слов. А как действовать в критической ситуации без вербального общения, я не знал. Хорошо если все обойдется и, как я предполагал и надеялся, команды по-русски мне придется отдавать только в самом конце, когда уже будет неважно, какой мы национальности. Но если сейчас встречающая сторона спалит нашу национальность, то в свете последних событий, когда в Синопе бояться визита русских спецназовцев, желающих вызволить своего генерала, нам придется худо. Раскрошат из автоматов, как пить дать!

Наконец машины добрались до виллы Барака, но внутрь заезжать не стали, а остановились перед ней возле большой беседки, больше напоминающей уличную веранду в детском садике. Усадьба торговца топливом располагалась примерно в десяти километрах от побережья, на юго-востоке от Синопа. Места здесь были живописные: поросшие свежей зеленью пологие холмы, многочисленные рощи и сады. Одним словом, рай, да и только. Вилла – большой трехэтажный особняк в окружении строений попроще. Отдельно стоят какие-то хозяйственные постройки, под основательным навесом – вереница небольших цистерн. Все сделано крепко и надежно – на века!

Выбравшийся из первой машины турок повелительным тоном приказал нам раскладывать товар внутри этого навеса и ждать, когда его величество товарищ Барак обрадует нас своим визитом. А вот это уже хреново! Я рассчитывал, что

нас пропустят внутрь, а не оставят снаружи. Блин! Ну и что теперь делать?!

Ладно, будем танцевать с тем, что есть!

Я приказал развешивать ковры с огнестрельным «золотом» и старинным «холодняком» между стоек беседки. Сербов отогнали подальше от навеса и с помощью криков и пинков заставили сесть на землю. На первый взгляд могло показаться, что рабы связаны крепко и надежно, их запястья опутывали толстые жгуты нейлоновых шнуров, но на самом деле достаточно было легкого движения рук, чтобы эти шнуры опали на землю безвольными концами. Раз! – и связанный раб оказывался на свободе!

Узлы вязал Ванек. Где он научился подобным фокусам, керчанин не сказал, заявив, что подобным искусством злоплетения владеет любой керченский школьник. Как всегда у Ванька, керчане – это особая раса на планете Земля. Причем Болтун искренне верил в свою теорию богоизбранности керчан и каждый раз, когда встречал свежие уши, рассказывал им одну и ту же притчу.

Как-то раз пришли еврей и хохол к Богу и спрашивают у него: мол, кто же из нас самый богоизбранный народ? Бог сказал, что даст ответ завтра, и отправил их спать, а ночью взял у каждого из них все самое ценное и исключительное и из этого сотворил керчан. А наутро заявил, что керчане – это самый богоизбранный народ на Земле, а евреи и украинцы могут курить в стороне.

Когда я услышал этот бред впервые, то долго ржал, но после десятого раза понял, что смеяться глупо, а лечить Ванька – поздно. Поэтому махнул рукой на его закидоны и лишь изредка подшучивал над товарищем.

Ящики с автоматами турки не дали нам затащить в беседку, а у тех стволов из золота, что висели на коврах, тщательно проверили затворы и пристегнутые магазины, проверяя, не затесался ли там случайный патрон.

Управились мы за полчаса, потом еще столько же времени стояли перед беседкой, ожидая, что вот-вот явится господин Барак, и мы начнем торг. Но этот чертов торгаш горячкой все не появлялся. А солнышко тем временем поднималось все выше и выше, согревая эту грешную землю все сильнее и сильнее.

Похоже, нас тут будут мариновать долго! Гребаные турки, пусть будут они трижды прокляты и чтобы жили на одну зарплату и срали ежиками!

Нисколько не стесняясь, я завалился на дощатый пол веранды, подложив под себя ворох тряпья в большом полупустом бауле.

– Блин, Иваныч, как ты можешь спокойно лежать! А вдруг все пойдет не так? Ты что, совсем не нервничаешь? – прошипел на ухо Ванек.

– Нервничаю, – ответил я. – Но я понимаю, что турки нас просто проверяют, и если мы сейчас как-то выкажем свое беспокойство, значит, у нас рыльце в пушку. Так что не мель-

теши и перестань триндеть по-русски! Не дай бог, услышат – и тогда всем звиздец!

– Айм андэстен ю! Окей! – нарочито громко заявил Иван. Я в ответ показал ему фак и перевернулся на другой бок. Петрович сидел на земле рядом с сербами и демонстративно жрал тушенку. При этом он периодически прикладывался к большой бутылки в лозовой оплетке. Сербы жадно глядели на эти действия, тихо шепча проклятия в адрес Хохла. Все это было частью спектакля, который разыгрывался для встречающей стороны. Пусть думают, что мы такие же работоторговцы, как они, и сербы нам ни хрена не боевые товарищи, которые с нами заодно, а вшивые собаки, о которых мы вытираем ноги.

Приказав Ваньку крепко бдеть и старательно зыркать по сторонам, я провалился в царство Морфея.

– Вэйкап! Вэйкап! – вырвал меня из объятий тяжелого сна встревоженный шепот Болтуна. – Идут! Идут!

Судя по стрелкам моих часов, проспал я всего полчаса. Вскочив на ноги, заметил в полуоткрытые ворота виллы приближающуюся к нам делегацию: двух важных турок, явно из местного первого эшелона власти, и окружающую их свиту-охрану – десяток вооруженных автоматами головорезов.

Важных господ я опознал сразу. Тот, что пониже и потолще, Барак, он подходил под описание, данное пленным турком. А вот второй дядька, что важно шествовал рядом с ним,

оказался для меня сюрпризом. Причем весьма неприятным сюрпризом! Портрет этого хрена висел в кабинете виллы, которую мы обнесли пару дней назад. Чертов стоматолог! Так вот куда он уехал со своими людьми!

Появление гребаного зубодера ставило крест на всех моих планах по захвату в плен торговца Барака! Проклятая судьба-злодейка выкинула очередной сюрприз и, похоже, на этот раз решила окончательно меня добить!

– Вариант намба ту! – прошептал я Ивану и, делая вид, что несказанно рад визиту господ, кинулся вприпрыжку к пленным сербам.

Керчанин, ошарашенно выпучив глаза, завертелся на месте, не зная, куда ему деться и что делать. Бляха муха, он что, забыл обо всем, что ему положено делать?!

Вариант номер два – это когда все пропало и надо валить врагов с проходняка и без разбора. То есть, как только они войдут под навес, нам необходимо атаковать! Команду к атаке должен подать я.

– Петрович, бегом в беседку! Как только я закричу «Бей!», тут же вали всех, до кого дотянешься! Толстяка надо взять в плен! – прошипел я, ошарашив Хохла.

– Ствол мне, быстро! – шепотом приказал я Миславу, зная, что у него под одеждой спрятаны два «чижа».

– Нельзя, они смотрят на нас! – прошептал в ответ сидевший рядом Михаил.

– Сука! Ладно, тогда автоматчики на вас. Ни пуха, мужи-

ки! – прошептал я и тут же ударил ногой сидящего на корточках Баяна. – Стенд ап! Стенд ап! Маза фака!

Изобразив активную деятельность по приведению рабов в вертикальное положение, а на самом деле создав кучу ма-лу, в которой сербы могли незаметно достать из-под одежды пистолеты, я вприпрыжку побежал назад, к беседке.

– Вэлкам, вэлкам, мистер Барак! – изобразив идиотскую улыбку на лице, зачастил я. – Ви хэв вэри гуд продактс! Вэри, вэри гуд! Вэри чип!

Рассыпаясь в любезностях, я заметался под навесом, выхватив сначала одну саблю, потом другую. Потом обе сабли я сунул в руки Петровичу и тут же схватил еще один клинок.

– Вэри гуд ган! Вэри гуд блейд! Би хэппи! Вери гуд блейд!

Не зная, куда деть очередную саблю, я как бы невзначай сунул ее в руки Ивану и тут же схватил с ковра длинный кинжал.

Именно в этот момент важные турки подошли к беседке. На мое мельтешение и подобострастное заигрывание они смотрели понимающе и свысока: видать, привыкли к подобному обращению. Ну еще бы, они ведь все такие важные из себя беи, а я – всего лишь жалкий торгош, суцая сошка в местной иерархии.

Как только взгляд стоматолога коснулся ковров с оружием, он будто натолкнулся на невидимую стену. Бедняга враз побледнел, потом лицо его пошло алыми пятнами, глаза округлились, а рот искривился в гримасе удивления и непо-

нимания.

– Вэри гуд блейд! – выкрикнул я, сделал шаг навстречу стоматологу и тут же ткнул его кинжалом в шею.

Яркая струя крови плюхнула фонтаном в небо.

Я ударил локтем в лицо толстяку Бараку и заорал что есть мочи:

– Бей!

Схватив господина Барака за ворот его сюртука, дернул на себя и, приставив острие клинка к горлу, грозно выкрикнул:

– Дон шут! Дон шут! Айм килл хим!

Охрана Барака выглядела грозно и боевито, и, возможно, они были отменными вояками, но вот охранники из них оказались никакие. Во-первых, они никак не отреагировали на мое мельтешение с холодным оружием в руках, а во-вторых, когда я заколол стоматолога и захватил в плен их господина, они на какое-то, пусть и незначительное мгновение застыли соляными столпами.

А дальше произошло то, на что я никак не рассчитывал. Петрович, наш кубанский Хохол, вооруженный двумя саблями, которые я самолично всунул ему в руки, вдруг неожиданно для всех взорвался стремительной серией ударов. Обычно Петрович выглядел медлительным и вялым, чаще всего он отлынивал от работы, жрал тушенку, пил горячительные напитки и заваливался спать всякий раз, когда предоставлялась такая возможность.

Но сейчас в стан врага ворвался ураган сабельных уда-

ров. Клинки заплясали танец смерти, и за считанные секунды четверо из десяти охранников пали на землю, поверженные Петровичем. Голова одного из автоматчиков, подпрыгивая, как футбольный мяч, покатила по земле. Еще один охранник также лишился головы, но она не отделилась от туловища, а осталась висеть на лоскутах кожи.

Сабли выписывали диковинные узоры и пируэты, отрубленные части тела летели в разные стороны, кровища хлестала как из фонтана. Моя челюсть лежала на земле от удивления. Петрович?! Да он же настоящий Хон Гиль Дон! Черт возьми, он даже круче Боярского в роли Д'Артаньяна! Ничего себе!

Ванек метнул саблю в ближайшего к нему турка, но не попал, тут же ухватил с пола ящик с медикаментами и бросил его вдогонку.

А потом охранники господина Барака наконец отмерли и открыли стрельбу. Я прикрывался телом их господина, беспрерывно крича, чтобы перестали стрелять, ведь их господин Барак мог умереть от их пуль. Но я уже говорил, что охранники из них были хреновые, и меня никто не слушал.

Все смешалось в общую кучу малу. Кто-то из автоматчиков стрелял в воздух, крича проклятия, кто-то садил длинными очередями мне под ноги, Петрович продолжал махать шашками, а Ванек швырялся коробками с медикаментами. Я орал как оглашенный, периодически несильно тыкая Барака кинжалом в бочину. Сербы тоже влезли в общий бала-

ган, открыв стрельбу из пистолетов. Безумие и отвага в чистом виде!

Продолжалось это недолго, буквально каких-то пару минут. Стрельба затихла так же быстро, как и началась.

– Гребаный ты кибастуз, шлендры фуевы, – устало просипел Петрович, вонзая клинок своей сабли в тело раненого турка. – Чутка не продырявили мне шкуру! – Как всегда в минуты опасности, Хохол перешел на южнорусский суржик. – Бисовы шлендры!

– Все живы? – спросил я, оглядываясь по сторонам.

Иван высунулся из-за стопки коробок, показав большой палец: мол, все нормально, я жив! Петрович тоже показал большой палец. А вот у сербов были потери: Баян и Василий были ранены. Над ними сейчас хлопотал Михаил.

– Петрович, помоги сербам, – приказал я, кивая на стопки с медицинскими ящиками.

Господин Барак вяло трепыхался и ныл. И еще, судя по запаху дерьма, похоже, обоссался от страха. Подбив его ногой под колено, я завалил толстяка на пол и тут же крепко связал его же поясом, а потом еще и сковал запястья и лодыжки пластиковыми стяжками – так оно будет надежнее!

– Бегом вооружайтесь автоматами, – приказал я сербам и Ивану, – нас ждут великие дела!

– Бро, у тебя кровь на лице! – предупредил меня Ванек.

Мазнув рукой по щеке, я ойкнул от резкой боли: на лице у меня была глубокая царапина – след от близко пролетевшей

пули. Пара миллиметров в сторону – и меня бы уже не было на этом свете. Повезло, мать его так! Похоже, я все-таки обманул в очередной раз старуху с косой!

– Иваныч, а чего мы отошли от первоначального плана? – спросил подошедший Петрович, протягивая мне широкий лейкопластырь. – Шо трапылось?!

– Это хозяин виллы, откуда мы подрезали все это богатство, – ответил я Хохлу, пнув ногой тело стоматолога. – Сам понимаешь, что как только он узнал бы свой товар, то тут же поднял бы кипиш. Вот и пришлось действовать по плану Б. Ты где так научился шашками махать? Прямо Арагорн из «Властелина колец»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.